

СМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВ

Год
издания
29-й

ИЗ ПРОЕКТА УСТАВА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Коммунистическая партия Советского Союза есть добровольный боевой союз единомышленников-коммунистов, организованный из людей рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции.

Коммунистическая партия Советского Союза, организовав союз рабочего класса и трудового крестьянства, добилась в результате Октябрьской Революции 1917 года свержения власти капиталистов и помещиков, организации диктатуры пролетариата, ликвидации капитализма, уничтожения эксплуатации человека человеком и обеспечила построение социалистического общества.

Ныне главные задачи Коммунистической партии Советского Союза состоят в том, чтобы построить коммунистическое общество путём постепенного перехода от социализма к коммунизму, непрерывно повышать материальный и культурный уровень общества, воспитывать членов общества в духе интернационализма и установления братских связей с трудящимися всех стран, всемерно укреплять активную оборону Советской Родины от агрессивных действий её врагов.

В. И. Ленин и И. В. Сталин за беседой.

С рисунка художника П. Васильева

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Сентябрь. № 18. 1952 год.

Год
издания
29-й

ПОСЛЕДНЯЯ ПЯТИЛЕТКА

Двадцатый съезд ВКП(б) — большое историческое событие в жизни не только нашего советского народа, но и всех честных людей мира. Простые люди земного плана знают, что XIX съезд ВКП(б) — крупнейшая историческая веха по пути к полному торжеству коммунизма.

Советский народ встречает съезд новыми успехами авиационного труда в городе и деревне. Следуя славному почину московских автозаводов, милаоны и милаоны рабочих, колхозников, интеллигентцев вклячили в широкие, венеродное социалистическое соревнование, посвященное XIX съезду партии.

Оно воздвигнуло трудовые подвиги страны естественно и понятно. Коммунистическая партия — кровь от крови, плоть от плоти партии трудового народа. Она близка и дорога каждому из нас. Она организатор и вдохновитель всех наших побед. Коммунистическая партия — испытанный вождь советского народа. Коммунистической партии, товарищу Сталину наша страна обязана всем, что есть у нас, у великой социалистической державы. Политика партии отвечает кровным интересам советского народа, она является жизненной основой советского строя.

Вот почему в честь съезда коммунистической партии на вахту стали московские машиностроители и доменные шахтеры, ассирийское учебное и уральское металлургии, украинские колхозники и железнодорожники Сибири, строители Туркменского канала и ивановские термостанции. Вот почему весь советский народ с исключительным воодушевлением встретил весть о созыве XIX съезда ВКП(б). Вместе со всеми трудящимися на стахановскую вахту в честь съезда стала молодежь.

Партия Ленина — Сталин ведет нас к коммунизму, — сказала наадчик Московского завода маодотражных машин комсомолец Евгений Шувалов. — Ей, родной партии, наша молодежь обязана своей счастливой жизнью. Я беру обязательство выполнять ко до конца открытия XIX съезда ВКП(б) две годовые нормы.

Понимая и осознавая этот трудный путь победы нашего народа. Все его успехи неразрывно связаны с великой партией Ленина — Сталина. Вся история нашей страны наглядно показала, что партия коммунистов является последовательным и верным выразителем интересов трудящихся, умелым и бесстрашным руководителем широкого массового движения. На этом же жизненном опыте убеждает, что коммунисты не только провозглашают правильную политику, но они борются за нее, воплощая в конкретные дела. Вдв герническая история партии убеждает массы, что у коммунистов слово не расходится с делом.

Благодаря этому революционному лидеру Сталину и Сталин еще в далекие годы подполья сплачивали ряды истинных борцов за дело трудящихся, беззастенчиво преданных высокой идее борьбы за коммунизм.

Ленин и Сталин в жестоких битвах с многочисленными врагами создали коммунистическую партию, возвысившую всемирно-историческое значение партии коммунизма.

«Коммунистическая партия Советского Союза», — говорится в проекте текста измененного Устава партии, — организована союз рабочего класса и трудового крестьянства, добилась в результате Октябрьской Революции 1917 года свержения власти капиталистов и помещиков, организации диктатуры пролетариата, ликвидации капитализма, уничтожения эксплуатационного человека человеком и обеспечила построение социалистического общества».

Под руководством коммунистической партии Советская страна прошла славный путь — путь смелого и мужественного богатыря. XIX съезд созывается в преддверии тридцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции. Прошло тридцать пять лет того времени, когда над миром гордо возвысилось непобедимое знамя Ленина — Сталина, когда над нашей планетой задала чудесная зра коммунизма, когда впервые в истории человечества свободный творческий труд гурд зра стал основой законных прав трудящихся. Трудящиеся стали хозяевами одной шестой части земли. Трудящиеся стали править государством.

Советский народ встречает свой праздник с чувством выполненного долга. С каждым годом растет и крепнет могучая социалистическая держава. Под водительством товарища Сталина наш народ не только в год совершает огромные шаги по пути к коммунизму.

Встреча XIX съезд ВКП(б), советский народ мысленным взором обживает путь, пройденный страной после XVIII съезда. Период, прошедший со времени предыдущего съезда, богат событиями, связанными с великими и ратными подвигами миллионов людей, воспитанных партией Ленина — Сталина.

На XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин начерта программу борьбы за построение коммунистического общества. Народ с энтузиазмом приступил к претворению в жизнь этой величайшей задачи. Вспомогательный труд, полный высокого творческого напряжения, был прерван вероломным нападением гитлеровской Германии. Народ ввязался за оружие, чтобы защитить завоевания социалистического строя.

По призыву товарища Сталина, коммунистической партии и на Восток Отечества вступил герой против фашистских захватчиков поднялся весь советский народ. Партия, ведомая товарищем Сталиным, организовала и вдохновляла эту венеродную борьбу,

обеспечила победу. Еще в годы первых пятилеток коммунистическая партия, воплощая в жизнь сталинских план индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, подготовила страну к активной обороне. Создав морально-политическое единство советского общества, коммунистическая партия подготовила к активной обороне каждого советского гражданина, без населения страны, готовое биться за судьбы Родины не за страх, а за совесть.

Как в мирные годы, так и в годы войны коммунисты были на своем главном посту — посту единства. Всеми плановыми участкам. На фронте и в тылу партии — веда воинов и труженников тыла вперед и привела к победоносному завершению войны. Наш народ спав человечество от угрозы фашистского порабощения, разбив злейших врагов свободы, демократии, мира. Наш народ помог многим странам Европы и Азии избавиться от империалистического гнета, дал им возможность строить новую жизнь.

После войны веда наша страна превратилась в грандиозную строительную площадку. Советские люди с еще большим энтузиазмом посвящают себя мирному созидательному труду. Товарищ Сталин в своей речи от 9 февраля 1946 года выметил программу действий советского народа по восстановлению и дальнейшему развитию народного хозяйства Советского Союза, программу создания материально-технической базы коммунизма.

Призыв товарища Сталина, призыв коммунистической партии в кратчайший срок восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства, коммунистическая партия наша — единодушный отклик в нашем народе. К концу первой послевоенной пятилетки советские люди с гордостью могли похвастаться замечательными итогами успешного выполнения указаний своей партии, своего любимого вождя. Несмотря на серьезные трудности, вызванные войной, четверть пятилетнего плана была выполнена, а основные его задания значительно переполнены. Только наш народ, народ страны социализма, руководимый коммунистической партией, способен был в кратчайший срок решить грандиозные исторические задачи.

Решив эти задачи, коммунистическая партия мобилировала народ на великие дела, создала великой эпохе коммунизма. Народ приступил к сооружению мощных электростанций, невиданных еще каналов и оросительных систем, к посадке лесных полос. Народ по воле партии приступил к осуществлению сталинского плана преобразования природы. Советские коммунисты не только предали в жизнь план товарища Сталина, но и подливали в него огонь. Сталь не имеет камня. Сталь остывает перед лесом.

Вступая в строй действующих предприятий перенеч великих строек коммунизма — Волго-Донской судоходной канал имени В. И. Ленина, Генич Стална соединила воды великих русских рек и пяти морей, омывающих берега Советского Родины.

Наше дело велико. Коммунистической партии Советского Союза состоит в том, — говорится в проекте текста измененного Устава партии, — чтобы построить коммунистическое общество путем постепенного перехода от социализма к коммунизму, непрерывно повышая материальный и культурный уровень общества, воспитывая членов общества в духе интернационализма и установления братских связей с трудящимися всех стран, всемерно укреплять активную оборону Советской Родины от агрессивных действий ее врагов».

Построение коммунизма — вот дело советского народа. Оущественению этой благородной цели служат и пятый пятилетний план развития СССР на 1951—1955 годы, который будет обсуждаться на XIX съезде ВКП(б).

Проектом директив съезда по пятому пятилетнему плану намечен рост уровня промышленного производства за пятилетие примерно на 70 процентов. Прибав к этому, предусмотрен наиболее темпы развития производства средств производства.

С каждым годом будет расти и укрепляться экономическое могущество нашей страны. Партия намечает увеличить за пятилетие вылавку чугуна на 76 процентов, стали — на 62 процента, добычу угля — на 45 процентов, нефти — на 85 процентов. Страна получит огромные количества нового оборудования для всех отраслей промышленности, что даст возможность в основном завершить механизацию тяжелых и трудоемких работ.

Производительность труда, учна В. И. Ленин, — самое главное, самое важное для победы нового общественного строя, для победы коммунизма. Следуя ленинско-сталинскому учению, о решающем значении роста производительности труда, в проекте директив XIX съезда намечается повышение производительности труда за пятилетие в промышленности примерно на 50, в строительстве — на 55 и в сельском хозяйстве — на 40 процентов. Получившая возможность увеличения труда вылаву, которую-технический уровень трудящихся — вот та основа, которая обеспечит огромный рост производительности труда, повышение качества выпускаемой продукции. Партия предусматривает также систематическое снижение себестоимости промышленной продукции.

Область сельского хозяйства и вперед главной задачей остается повышение урожайности всех сельскохозяйственных культур, дальнейшее увеличение общественного поголовья скота при значительном росте его продуктивности. На основе

Для счастья народа. Заседание Политбюро ЦК ВКП(б).

Д. Набандян.

впередия передовой техники и агрикультуры партия будет постоянно добиваться укрепления и развития общественного хозяйства колхозов, улучшения работы совхозов и МТС.

Никакой пятилетний план, говорил товарищ Сталин ещё в 1930 году, не может учесть всех тех возможностей, которые таится в недрах нашего строя. Советский строй таит в себе неисчерпаемый источник творческих сил народа. Коммунистическая партия сумела открыть этот жизненный источник.

Партия призывает все организации широко использовать активность народных масс для успешного выполнения пятого пятилетки. Великая сила социалистического соревнования, таинственная в проекте директив съезда, одностороннее стремление всего нашего народа отстоять дело мира, непоколебимая решимость построить коммунизм должны быть направлены на выполнение и перевыполнение нового пятилетнего плана.

С чувством большого удовлетворения трудится советский человек. Он знает все наши планы пронизаны заботой о нём, о труженике, о его семье, о всем обществе. Ведь не случайно, помимо общего роста всех отраслей производства, развиваемые прежде всего в интересах самого народа, в новом пятилетнем плане намечен большой рост производства предметов массового потребления. Партия делает всё возможное для того, чтобы неустанно повышать материальное благосостояние и культурный уровень трудящихся. За пятилетие национальный доход СССР возрастет не менее чем на 60 процентов. Заметно вырастут доходы рабочих, служащих, крестьян. Будет постоянно проводиться в жизнь политика снижения цен.

Как и прежде, коммунистическая партия прокладывает особую заботу о развитии науки, повышении культуры народа, его отдыха, здравоохранении. В новой пятилетке видное место занимает расширение жилищного строительства. Города, посёлки, деревни будут вновь благоустроены. Ещё лучше, ещё краше будут жить трудящиеся. Жизнь станет ещё более весёлой и захватывающей. Мирное развитие нашей экономики, намеченное новым пятилетним планом, противостоит экономике капиталистических стран, идущих по пути милитаризации хозяйства, получения наивысших прибылей для капиталистов и дальнейшего обнищания трудящихся.

Новый пятилетний план является планом, как сказано в проекте директив XIX съезда ВКП(б), «мирного хозяйственного и культурного строительства. Он будет содействовать дальнейшему углублению и расширению экономического сотрудничества Советского Союза и стран народной демократии и развитию экономических отношений со всеми странами, желющими развивать торговлю на началах равноправия и взаимной выгоды».

Советский народ, наша молодёжь твердо уверены, что новый сталинский план под руководством коммунистической партии будет успешно выполнен. На своих собраниях, митингах советская молодёжь, приветствуя исторический XIX съезд великой партии, заверяет народ, своего дорогого вождя, учителя и отца — товарища Сталина в том, что она вместе со всем народом приложит все силы, чтобы выполнить и перевыполнить пятый пятилетний план развития нашей прекрасной Родины.

Ленинско-сталинский комсомол, вся наша молодёжь хорошо помнят директиву XIX съезда:

«Задачи, поставленные пятилетним планом, предъявляют большие требования к партийным, советским, хозяйственным, профсоюзным, комсомольским организациям и обязывают их мобилизовать широкие массы трудящихся на выполнение и перевыполнение нового пятилетнего плана, развертывая широкую критику недостатков в работе наших организаций с целью быстрой ликвидации этих недостатков».

Партия, учит товарищ Сталин, сильна своими тесными связями с массами. Сила коммунистов состоит в том, что они умеют окружать свою партию миллионами беспартийного актива, что они не клещат своей партийностью, а прислаиваются к голому беспартийному, что они не только учат беспартийных, но и учатся у масс. Коммунистическая партия прочно, миллионами нитей связана с народом. Ярким свидетельством этого служит тот факт, что в тяжёлые годы войны в партию вступили миллионы советских людей.

Наша партия является руководящей и направляющей силой советского народа. Она ведёт народ к коммунизму. Коммунистическая партия — ум, честь, совесть нашей эпохи. Ей верили свою судьбу двести миллионов граждан Советской страны. Сотни и сотни миллионов трудящихся земного шара видят в нашей партии своего самого близкого, самого верного учителя справедливой жизни.

В эти дни войны все передовые авды мира с особой зоркостью устремлены к Коммунистической партии Советского Союза, к её гениальному вождю и организатору — великому Сталину. Наша коммунистическая партия воплощает в себе разум, волю, мужество и героизм своего народа. Товарищ Сталин вместе с Лениным создал эту героическую партию. Товарищ Сталин отстоял её монолитное единство, высоко подняв ленинское знамя.

В дни подготовки к XIX съезду советские юноши и девушки с особым творческим рвением вкладывают в труд и учение весь плад своих кипучих душ, весь жар своих молодых сердец. Для советских юношей и девушек нет большего счастья, чем счастье самоотверженно выполнять директивы партии, товарища Сталина. Коммунистической партии, товарищу Сталину наша молодёжь обязана всем счастьем своей радостной жизни, счастьем жизни на советской земле.

Без провозглашения и громче звучит чудный гимн великому вождю:

Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей конюти полёт.
С поимыми, борьба и победа,
Наш народ за Сталиным идёт.

За Сталиным идут все свободолюбивые народы мира, все люди доброй воли земного шара. Сталин — великий знаменосец мира. С именем товарища Сталина прогрессивное человечество связывает свои надежды на прочный мир во всём мире, на светлое будущее.

В метании диска советские спортсменки (с лева направо) Е. Багритская, Н. Ромашкова и И. Думбадзе завоевали на XV международный олимпийский играх серебряную, золотую и бронзовую медали.

Фото В. Савостьянова

ОЛИМПИЙСКАЯ ЧЕМПИОНКА

Гул одобрения волной прокатился по залованным до отказа трибунам стадиона.

Олимпийские игры только открылись, только начали состязаться легкоатлеты — и уже побит олимпийский рекорд!

Рослая, сильная девушка в алой майке, спортсменка Советского Союза Нина Ромашкова, метнула диск почти на 50 метров!

Это дальнее флажка, который отменяет на олимпиаде 1936 года в Берлине немкой Маурмайер.

Пять лет назад впервые пришла на стадион Нина Ромашкова.

Нина жила в тихом городке Ессентуки на Северном Кавказе, училась в сельском классе и, как все школьницы в нашей стране, занималась спортом. Особенно нравилось ей метание диска. Радость охватывала девушку, когда этот плоский электрограммовый снаряд вырывался из руки и, пообскакивая в лучах южного солнца, падал вдалеке на олееное поле. Как хотелось Нине метнуть его ещё дальше!

Спортивный азарт Ромашковой заметила судья и тренер на одном из состязаний спортсменов Старопольского края в 1947 году. Умевшие девушки соборятся с силами, упорно борются за победу обещая большие успехи в дальнейшем. Там же, на стадионе, Ромашковой стали помогать советами более опытные спортсмены. Их советы являлись благодатной почвой. Старательно запоминала девушка то, чему учили её, и хотя умелыми были эти первые уроки, но и они принесли большую пользу. Вскоре диск, брошенный Ромашковой, полетел за 30 метров. Это был хороший результат для 18-летней девушки.

За год Нина окрепла, овладела мастерством, и её результаты в метании диска немалого посыллись. В 1948 году Ромашкова заняла двадцатое место в первенстве страны, ещё через год она вышла на пятое место, а уже в 1950 году на всесоюзных соревнованиях показала второй результат в стране — 47 метров 20 сантиметрами. Теперь вперед Ромашковой была только мировая рекордсменка Нина Думбадзе. Думбадзе стала не только ближайшей спортивной соперницей Нины; они теперь вместе тренировались перед выступлениями. Многому научилась свою кмиую подругу прославленная рекордсменка.

Всё свободное время отдавала девушка любимому виду спорта. А свободного времени у Нины было не так уж много. Нина переехала в Москву, поступила в педагогический институт. Приходилось много заниматься. После занятий Ромашкова обычно направлялась в подшефную школу к юным физкультурникам.

Дружба с ребятами зародилась ещё тогда, когда студентка Ромашкова была направлена в школу на практику. Ромашкова проводила уроки в классе, помогала инструктору создавать крепкий физкультурный коллектив, а потом стала шефовать над ними.

Летом 1951 года она была включена в команду советских спортсменов для участия во Всемирных студенческих играх. Однако месяц за два до состязаний у Ромашковой разболелась рука. Пришлось пропустить много тренировок. Лишь тренер Ромашковой заслуженный мастер спорта Д. П. Марков и подруги не сомневались, что Нина найдет в себе силы, нагонит остальных и успешно выступит на состязаниях. Такой уж знала её — энергичной, настоящей...

Шестнадцать дней лучшие спортсмены мира, съехавшиеся в столицу Финляндии Хельсинки, упорно боролись за звание олимпийских чемпионов.

Сборные команды 70 стран по легкой атлетике, гимнастике, борю, боксу, борьбе, броскам, фехтованию и многим другим видам спорта приняли участие в соревнованиях за первое место.

Крупного успеха добились советские спортсмены, участвовавшие в состязаниях по всем видам спорта, за исключением травяного хоккея.

Советский гимнаст Виктор Чудраин стал абсолютным чемпионом XV олимпийских игр и привнес в команду три золотых и два серебряных медали. Абсолютной чемпионкой олимпийских игр по гимнастике стала и советская спортсменка Мария Горюховская. Она завоевала две золотых и четыре серебряных олимпийских медали.

Звание чемпионов и золотые медали завоевали советские борцы в состязаниях по классической борьбе; тиниковые Иоганнес Котлас, полулегкий Яакс Пуксон, легкий Шахман Сафин, боец наилегчайшего веса Борис Гуревич.

Чемпионами олимпийских игр по легкой атлетике стали советские борцы средневеса Давид Чимчаурдзе и тиниковые Арсен Меноушвили.

Золотые медали завоевали советские штангисты: Рафаэл Чимчашвили, Иван Удолов, Трофим Ломанин.

Блестящего успеха добилась советская метательница Нина Ромашкова. Она установила новый олимпийский рекорд в метании диска. Другая представительница советской команды, Галина Замбина, установила новый мировой рекорд в толкании ядра.

Крупного успеха добились и XV олимпийских играх советские спортсмены: они продемонстрировали мастерство мирового класса, установили 2 мировых, 3 европейских и 11 всесоюзных рекордов, завоевав 106 олимпийских медалей, в числе которых 38 золотых, 53 серебряных и 15 бронзовых.

Даже в Берлине не прекратили тренировок Ромашкова. Спарринку, когда подруги её силы, поднималась Нина, подолгу проделывала упражнения. И она сумела измерять потенциал. Её выступление было блестящим и принесло ей звание чемпионки Всемирных студенческих игр.

Осенью 1951 года Ромашкова добилась нового замечательного успеха — завоевала почетное звание чемпионки страны.

В 1952 году Ромашковой, одной из лучших советских спортсменок, доверили защищать спортивную честь Родины на Всемирных олимпийских играх вместе с Ниной Думбадзе и Елизаветой Багритцовой.

Все три советские спортсменки вышли в финал, оставив далеко позади представительниц других стран, несмотря даже на то, что Думбадзе участвовала в состязаниях после болезни.

Когда Маурмайер метнула диск на 49 метров 31 сантиметр, зарубежные знатоки спорта заверяли, что этот результат — явный шаг для женщин.

Уже со второй попытки Ромашкова добивается значительного успеха: диск упал за 50-метровой чертой.

Бурей аплодисментов приветствуют зрители советскую спортсменку. Олимпийский рекорд ещё раз обновлен! Золотая медаль уже вытиснула, но Ромашкова не покидает стадиона. «Нет, и это ещё не предел для советских метательниц! Диск должен полететь ещё дальше!»

— Она даже не радуется, что идёт вперед! — пытаются признать успех советской спортсменки американцы на трибунах. — У Ромашковой нет нервов! Она бесчувственна! Ромашкова действительно была спокойна.

Но не потому, что не имела нервов. Долго укал её тренер самостоятельно анализировать свой выступление, не надеясь на его помощь. И вот сейчас, когда Марков сидит на трибуне и не может подойти, Нина не теряет спокойствия. Другие же спортсменки — австрийка Хангерер, японка Вожино, — оказавшись без поддержки тренера, нервничали, показывая результаты значительно хуже, чем на тренировках.

Ромашкова не чувствовала себя одинокой. Рядом Багрянцева и Думбалде, с трибуны приветливо машут руками друзья Советского Союза. За пределами стадиона, во всем мире жадно её успеха простые люди, потому что успех Ромашковой — это успех всего великого миролюбивого Советского Союза, строящего счастливую жизнь на земле.

В третий раз занимает место в круге советская спортсменка. Ритмично, плавно начинает она размахи. Вот следует быстрый поворот, другой, третий, и диск, пущенный сильной рукой, поблескивая, стремительно рассекает воздух.

И во полёту диска и по тому, как замер стадион, Нина сразу почувствовала, что это лучший её бросок.

Да, это был прекрасный бросок: 51 метр 42 сантиметра пролетел килограммовый снаряд. Далеко позади остался «наивысший» олимпийский рекорд.

На немом отстали подруги: Багрянцева и Думбалде.

На пьедестал победителя поднимаются три советские спортсменки. Выше всех стоит чемпионка олимпийских игр 1952 года Нина Ромашкова, чуть ниже Багрянцева, принесшая советской команде серебряную медаль, и, наконец, Думбалде, ей присуждена бронзовая медаль.

Под звуки Гимна Советского Союза на трёх флагштоках медленно поднимаются три алых флага Страны Советов.

После состязаний к Ромашковой, Багрянцева и Думбалде обратились с просьбой финские рабочие-спортсмены клуба «Туус». Они не могли видеть их на олимпийском стадионе и просили приехать к ним. Охотно откликнулись советские спортсменки на голос простых людей Финляндии.

Это были незабываемые минуты. Таких бросков не видел даже на олимпийском стадионе.

И Ромашкова и Думбалде метнули диск на 52 метра 38 сантиметров!

За эти выдающиеся достижения не получили они ни значков, ни медалей, но это были самые радостные победы. Простые люди Финляндии от души благодарили спортсменок из страны Сталина.

В. ПАШИНИН

В тройном прыжке второе место и серебряную медаль завоевал советский спортсмен Л. Щербанов, первое место занял негр Да-Сильва (Бразилия). На снимке к: Л. Щербанов (слева) и Да-Сильва.

Фото А. Гаряева

Абсолютная чемпионка по гимнастике советская спортсменка Мария Горюховская.

Лучшие из лучших

Лучшие гимнастки мира съехались в Хельсинки, чтобы оспаривать почётное звание олимпийского чемпиона.

Команды Советского Союза, Чехословакии, Венгрии, Польши, Болгарии, Финляндии, Австрии, Франции, США, Норвегии, Голландии и других стран включились в борьбу.

После первого же дня состязаний вперед уверенно вышла команда Советского Союза в составе Марии Горюховской, Нины Бочаровой, Галины Вязанцевой, Меган Дукетти, Екатерины Калинин, Пейлаги Даниловой, Галины Урбанович и Галины Шарвай.

Теперь зрители с интересом следили лишь за тем, кто из советских спортсменок наберёт большее количество баллов и завоеует звание абсолютной чемпионки.

Успешно выступали и спортсменки стран народной демократии.

Советская гимнастка Мария Горюховская оказалась лучшей из лучших: золотая медаль и звание абсолютной чемпионки олимпийских игр 1952 года по праву присуждены ей.

Киевлянка Нина Бочарова заняла второе место и принесла команде серебряную медаль.

Вручение золотой медали советскому борцу Арсену Меккокишвили.
Фото А. Гаранина

СЛАВНАЯ ПОБЕДА

Темным июльским вечером в одном из домов Сталинема, Москва, где расположились советские спортсмены, собрались борцы.

Завтра начнутся олимпийские соревнования по вольной борьбе.

Настроение, как обычно перед ответственными состязаниями, было приподнятым; кое-кто из молодежи нервничал:

— Ведь в первый раз участвуем в олимпиаде...

— Да и вольной борьбой занимаемся каких-нибудь 10—15 лет.

— На ковче побеждают сила, техника, смелость, — сказала тяжелоес команды Арсен Меккокишвили, широкоплечий черноволосяый мужчина. — Сила у нас достаточна, техника самая переловая, ну, а смелости, надеюсь, не нам занимать!

— Правильно. Кто в себе сомневается, тот непременно проиграет, — положив руку на плечо плечо Меккокишвили, добавил тренер команды Куханидзе.

15 лет назад впервые встретился Арсен с этим человеком. Молодой колхозник комсомолец Меккокишвили приехал тогда в Тбилиси на состязания по грузинской борьбе чигитба, на которых известный в Грузии тренер Вахтанг Куханидзе был главным судьей.

Увидев на ковче богатыря весом в 113 килограммов, Куханидзе после схватки подошёл к молодому борцу.

— У вас хорошие данные, но плохая техника, — сказал Вахтанг покрасневшему от смущения Арсену. — Хотите серьёзно заняться спортом?

Через несколько дней Арсен пришёл на квартиру к Вахтангу Куханидзе...

Тех началась дружба между Арсеном Меккокишвили и Вахтангом Куханидзе.

БЛЕСТЯЩИЙ УСПЕХ

С первых же дней команда советских гимнастов привала к себе внимание многочисленных зрителей.

Советские спортсмены чётко выполняли различные упражнения, демонстрируя силу, ловкость и волю к победе.

Коллектив советских гимнастов уверенно занял первое место в командном зачёте, набрав наибольшее количество баллов в сумме олимпийского двенадцатборья—574,40 балла.

Блестящего успеха добился Виктор Чунарин. Он завоевал звание абсолютного чемпиона олимпийских игр, получив высшие оценки в опорных прыжках и в упражнениях на «чоне», заняв вторые места в упражнениях на кольцах и параллельных брусьях.

Виктор Чунарин завоевал три золотых и две серебряных медали.

Зарубежные знатоки гимнастики писали: «Советские спортсмены подняли гимнастику на новый, более высокий уровень, превратили её в искусство. Мы никогда не были свидетелями чего-либо подобного».

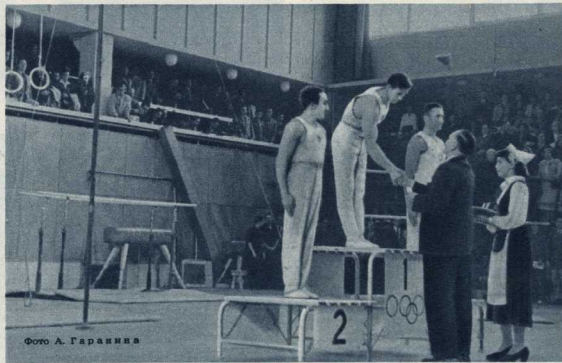

Фото А. Гаранина

Абсолютный чемпион олимпийских игр, завоевавший три золотых и две серебряных медали, Виктор Чунарин (в центре).

Мекокишвили быстро понял, что одна физическая сила не принесёт победы — надо овладеть техникой.

В те годы в стране начала широко культивироваться вольная борьба. От классической она отличалась тем, что в ней были разрешены захваты ниже пояса, подножки и подсечки.

Арсену Мекокишвили понравилась эта борьба: она напоминала родную чистоту. Упорная работа, настойчивость тренера принесли свои плоды: меньше чем через два года Мекокишвили стал чемпионом Грузии по национальной, классической и вольной борьбе.

И вот ему доверили защищать спортивную честь Советского Союза в олимпийских состязаниях.

Успешно начали своё выступление советские атлеты.

Быстрый и увёртливый борец наилегчайшего веса Георгий Саядов уверенно победил француза Сижирана, в легчайшем весе Рашид Мамедбеков быстро «расправился» с пропавшим прыжком первацта мира иранцем Якуби, легко положила на лопатки египтянина Эссами полулёгкое советской команды Мухтар Далашев...

Судьи, обеспокоенные успехом советских борцов, стали искать случаи, чтобы отнять у них победу. Они признали на следующий день побеждённым борца лёгкого веса Арама Ялыряна, хотя он явно выиграл встречу, назвали победителем вопреки истинному ходу схватки противника Саядова.

Во встрече Мекокишвили с англичанином Ричмондом, к удивлению даже судейской коллегии, один из боковых судей поднимает флаг за англичанина.

— Ничего, — сказала Мекокишвили друзьям, — им не удастся сломенить нас!

...Шёл последний день состязаний. На ковре в финальной схватке встретились Арсен Мекокишвили и прошлогодний чемпион мира швед Антонссон.

Противники сошлись на середине ковра, и схватка началась. Дня гиганта сразу же стали пытаться сбить друг друга на ковер. Мышцы рук, шеи вздулись бутрами.

Резко повернувшись, Арсен сильно толкнул шведа в сторону, и тот, опоткнувшись о подставленную ногу, туловище упало на четвереньки.

В течение трёх минут Антонссон пытался подняться в стойку, но крепко держал своего противника советский борец. Через три минуты, в соответствии с правилами, арбитр поднял борцов в стойку. Мекокишвили сразу же обхватила туловище Антонссона и перебросила шведа через бедро.

Шведский борец, чтоб не коснуться лопатками ковра, стал на мост, пролезув спину, упершись в ковер затылком и ногами.

Первые шесть минут борьбы выявили явное преимущество Мекокишвили. По международным правилам, ему предоставлялось право выбирать, как продолжать борьбу: в стойке или в партере.

Однократно арбитр считал ничью.

Первые три минуты вниз, в партер, идёт Арсен.

Швед пытается, захватив руки Мекокишвили, перевернуть его на спину. Но безуспешно.

Следующие три минуты в партере шведский борец.

Арсену удаётся перевести противника на полумост. Это лишнее очко в пользу советского атлета.

Антонссон с трудом освобождается от объятий советского борца и уходит из угрожающего положения. Тогда Арсен перебрасывает шведа через себя. На борцовском языке этот приём называется обратным посом.

Ещё очко очко в пользу советского спортсмена!

Свисток арбитра возвещает окончание схватки. Весь зал встаёт; все, кто был в тот день на состязаниях, громкими криками и аплодисментами приветствуют нового чемпиона олимпийских игр.

Н. ЛАРИН, М. ВОРОНОВ

Фото В. Савостьянова

В соревнованиях на личное первенство по гимнастике серебряную медаль завоевала Н. Бочарова.

Советские спортсмены В. Сухарев, Л. Санадзе, Л. Каллеев и Б. Тонарев (слева направо) в эстафете 4 X 100 метров заняли второе место.

Австралиец Вуд, занявший второе место, поздравляет чемпиона Ю. Токалова с блестящей победой.

ЛУЧШИЙ ГРЕБЕЦ МИРА

Бывает так: приходит в спортивную секцию юноша, крепкий, прекрасно развитый физически, и тренер сразу же делает заключение: «Этот добьётся успеха!»
Совсем по-иному получилось с Юрием.

В спортивную школу общества «Красное знамя» в Ленинграде пришёл хрупкий, невысокого роста парень и, смущаясь, попросил зачислить его в секцию гребли. Тренер, отнюдь не делая надежд вырастить из него классного гребца, подумал: «Пусть парень занимается. Гребля пойдёт ему впрок. Разовьётся, окрепнет...»
Однако с первых же тренировок опытный педагог Вера Александровна Савримова заметила, что юноша отличается необыкновенным упорством. Вот уже мозоли появились на его пока ещё не окрепших руках, а он всё упорно работает вслепую, стараясь добиться, чтобы движения были размеренными, а гребки предельно точными. Правда, мальчуган не хватает физической выносливости, но он старательно занимается гимнастикой, участвует в кроссах, упражняется с гантелями.

Напряжённая тренировка гребца. Много она требует энергии.
— Ну как, устал, Юра? — спросит, бывало, у него товарищи.
Он только улыбнётся в ответ.
Глубокой осенью, когда начиналась стужа и плывцы уходили в бассейны, Юрий продолжал изучать технику гребли. А когда реку сковывал лёд, он выходил на лыжню.

Товарищи по секции полюбили скромного, трудолюбивого юношу, делившегося с ним опытом, раскрывали «секреты» мастерства.
Постепенно Токалов научился делать гребки скрупе, но эффективнее, стремительно двигаясь лодку вперёд.
Тренер с радостью замечала, как с каждым днём всё точнее и энергичнее становятся движения новичка.

Чемпионат страны 1948 года был первым серьёзным испытанием молодого спортсмена.
Если бы у Юрия в то время спросили, что он думает о предстоящих состязаниях, как оценивает свои силы, он пожал бы плечами и ничего не ответил. Но тренер и товарищи верили в его силы.
— Упорный, старательный, такой не может подвести, — говорили они. И Юрий не подводил.

Коллектив гребцов ленинградского спортивного общества «Красное знамя» в упорной борьбе завоевал звание чемпиона страны.
В составе двоек был 18-летний Юрий Токалов.
Алая майка чемпиона не вернула Токалову голову. Напротив, он стал ещё строже относиться к себе, тренировался упорнее. В следующем году, уже выступая в четвёрке, Токалов вновь завоевывает звание чемпиона страны, а в 1950 году становится победителем и в восьмёрке.

О восьмёрке «Красного знамени» пошла по стране добрая спортивная слава. На всех крупных состязаниях она была впереди. Её не было равных. И среди этого дружного коллектива гребцов лучшим был Юрий Токалов. «Первой скрипкой» называли его в команде.
Токалов решил попробовать свои силы на одиночке — наиболее сложном виде гребного спорта. Это оказалось по плечу Юрию Токалову. Летом 1951 года он стал чемпионом СССР на одиночке-скифе.

Высокое доверие оказала Юрию Токалову Родина: его послала на XV международную олимпийские игры в Хельсинки.
Двадцатидвухлетний советский спортсмен вступил в единоборство с прославленными гребцами, имеющими опыт многих международных состязаний.

Токалов сразу же показал, что он умеет побеждать.

Он уверенно выиграл заезд на 2 тысячи метров со временем 7 минут 47,8 секунд.

В полуфинале Токалову пришлось бороться с чемпионом США филаделфийцем Дж. Келли.

Келли — атлетически сложенный спортсмен, самоуверенный и заносчивый. Он, не скрывая, рстачивал улыбки обступившим его репортёрам и, старательно жуя резинку, разглагольствует о том, что академическая гребля — это истинно англо-саксонский вид спорта и что победа в предстоящих гонках, — несомненно, удел англо-саксов.

— Русские? — на лице Келли появляется кривая усмешка. — Я что-то не слышал о русских гребцах...

Накануне состязаний проводились совместные тренировки гребцов различных стран. Садясь в лодку, Келли со снисходительной улыбкой посмотрел на Юрия Токалова и ищбрично крикнул своему тренеру:

— Этот мальчик тоже выйдет на старт? О!

...Начались гонки.

Келли не покидает снисходительная улыбка, он даже не сомневается в своей победе.

— На трибунах беснуется группа американцев.

— Кой-ли! — беёется оттуда. — О'юэ, Кел-ли!

А когда до финиша остаётся 500 метров, лодка советского гребца вдруг начинает уверенно выходить вперёд. Юрий Токалов стремительно финиширует!

Удар в колокол.

Линия финиша пройдена. Советский спортсмен обошёл американца на три корпуса!

Келли сидит в лодке угрюмый, обхватив голову руками; ему стыдно выходить на берег.

Поражение американца и успех советского гребца были полной неожиданностью для многих иностранцев...

Финиш. В бухте являва Мейлахти выстроились пять лодок, пять сильнейших гребцов мира.

Токалову, показавшему лучшее время в полуфинале, предоставляется право стартовать по стрелой воде. Вместе с ним выходят на старт олимпийский чемпион 1948 года австралиец Вуд, известный польский гребец Конарка, представитель Южной Африки Стефф, англичанин Фокс.

Вначале лидирует Вуд. Но вот его догоняет лодка, в которой сидит стройный юноша. Расстояние между ними всё сокращается и сокращается. Ещё усилие — и советский гребец выходит на околорисую вперёд.

Линю австралийца искажено от напряжения, он мобилизует весь свой огромный опыт и энергию, чтобы удержаться хотя бы рядом с лодкой Токалова. Но тщетно: Юрий ещё прибавляет темп, он делает энергичные гребки и первым пересекает линию финиша.

Советскому спортсмену вручают золотую медаль олимпийских игр и золотую медаль гребного клуба города Филадельфия, на которой выгравировано: «Сильнейшему гребцу на одиночке». Эта медаль учреждена много лет назад и по традиции вручается лучшему гребцу мира. Торжественно звучит Гимн Страны Советов.

С чеством пронёс знямя советского спорта комсомолец, студент 5-го курса Ленинградского высшего художественно-промышленного училища, Юрий Токалов.

А. ГАЛЦКИЙ

Лучший гребец мира, чемпион олимпийских игр Юрий Тюналов.

Фото Б. Светланова

Участники XV олимпийских игр Мария Гороховская, Нина Бочарова, Игорь Новиков и Грант Шагинян среди молодых спортсменов.

Фото М. Сидорова

Салам КАДЫР-ЗАДЕ

ПАРЕНЬ С ЖУРАВЛИНОГО ОЗЕРА

Рассказ

Спросите любого мальчишку, какое самое лучшее озеро в нашем районе, и каждый из них ответит: Журавлиное. Даже к осени, когда вода в озерах зацветает, подергивается желтой пленкой, Журавлиное озеро остается чистым и прозрачным. Хороши здесь и золотистый пляж и лужайки, хотя уже в июне они теряют свою мягкость. Трава желтеет и становится грубой.

Однажды в воскресенье утро Камиль, как всегда, пришло к озеру. Накануне он договорился с друзьями поиграть на берегу в мяч.

Но какова же была досада Каммил, когда друзей в usualном месте не оказалось. Темным полукругом они стояли в стороне, возле смуглого крепыша-подростка, который, должно быть, рассказывал им что-то очень смешное. А впрочем, ничего он им не рассказывал. Просто все они потешались над двумя мальчишками, которые старательно соорудили на песке домик. Но дело у них явно не клеилось. Стены из мокрого песка валялись, оседала крыша. Это доставляло ребятам искреннее огорчение. Они готовы были зареветь от обиды, тем более, что вокруг собралось уже немало зрителей.

— Эх вы, строители! — сказала наконец смуглый парень и озорно подмигнув товарищам Каммил. — Да разве так делают?! А нука, смотрите!

Присев на корточки, он алдонными утробными плочадку, а потом начал наращивать стены.

— Вот так... А теперь ещё сюда добавим... А крыша? Разве это крыша?

Ребятишки боялисьдохнуть. В ход пошла все палочки, залезшие на берег, сухие камышинки и свежие листвя деревья. Теперь потюлок и не думал оседать. Он выдержал даже настоящую засыпку песком. Но парень этим не угодствовался. Он забрался в заросли и принёс оттуда большую солёную камышинку.

— Вот вам и труба для крыши.

— Ох, и молодец же ты, Ибрай! — засмеялся один из товарищей Каммил. — Такой дом хоть на выставку!

— Совершенно верно, — согласился Ибрай — так звали смуглого крепыша. — Ну-ка, ребята, попросите вон у того дяди спички.

Каммил просто злился, с какой готовностью два его друга исполняли приказания этого Ибрая. Они как будто вовсе не замечали, что Каммил вот уже десять минут стоит здесь же. Так пренебрегать собой он, Каммил, конечно, не позволит, недаром за весьма-чуждый и своеобразный характер его прозвали «самопалом»!

Между тем друзья Каммил принесли для Ибрая спички, и он, не отвечая им, зачем они понадобились, растянулся перед домом на животе, оставив в камышинку кусок бумаги и зажёл её. Когда из дымки трубы заструился сизоватый дымок, ребята просто ошарашены от радости.

— Ибрай, — кричали они, — спасибо тебе, Ибрай!

— Ну как! — вставая с песка, спросил Ибрай. — Выждет из меня «уста»! или не выждет?

— Уста?! — воскликнули мальчишки. — Из тебя инженер выйдет! Со всего пляжа к «строителям», толкаясь, уже бежали другие ребята.

— Вот это да! — то и дело раздавались восторженные возгласы. — Давайте строить ещё такой дом! — прыгая, кричал шустрый стриженный мальчишка. — Давайте строить сами, давайте!

И на влажном песке опять закипела работа.

Ибрай и его товарищи пошла кутиться. Берёг опустел. Около строения остались только накулиничавшиеся Каммил да двое его друзей. И хотя они настойчиво звали его играть в футбол и Каммил уже устал держать мяч подмышкой, юноша делал вид, что не слышит своих друзей. Он долго и внимательно рассматривала дом Ибрая. Что-то похожее на известную маленькую наконечник на смуглом лице Каммил. Он круто повернулся и зашагал по лужайке, догоняя своих товарищей.

Как только началась игра, мяч, подобранный чьим-то сильным ударом, взмыл в голубизну неба и шлёпнулся на сверкающую гладь озера. Ловить мяч бросался сразу несколько человек, но на этот раз впереди всех был сильный, проворный Ибрай.

¹ Уста — по-азербайджански мастер.

Он не брал мяч в руки, он просто гнал его перед собой на середину озера. За Ибраем саживали пламя Камыля. Ему казалось, что Ибраю ничего не даёт никому притронуться к мячу, чтобы мяч не попал в руки Камыля. Это походило на наемнику, тем более, что Ибраю вжда, как уста и захлывался Камыля. На берегу, кажется, даже подучивали над невольностью Камыля. Рассерженный, он круто повернул к берегу и вышел на песок как раз в том месте, где красовался домик Ибрая.

Увеличился игрок, Ибраю не сразу заметил, что он остался один на середине озера. Он лавала бы там и ещё, если бы не смутная догадка об обиде Камыля.

— Ты что так рано? — закричал он Камылю, выходя на берег. — Ты не устал?

Он мог бы и не спрашивать, об этом. И так уже все заметил, как часто вздымается грудь Камыля. Но это было не только от усталости. Юному душой гнев. Стиснув кулаки, он шагнул навстречу обидчику.

— Ты? Ты? Ты позорил меня перед ребятами! Почему ты не даёшь мяч? Ты...!

Камыль захохотал и вдруг одним прыжком ноги развалил домик Ибрая.

Из груди влажного песка торчали палочки, завалив лететь и болящая камшишка, служившая трубой. Хорошо, что всего этого не видели ребята, увлекшись строительством нового дома. Молча и Ибраю, муря свои широкие чёрные брови.

Он хорошо поставился, свалив, о наконец Камыля и, бросив мяч, торопило зашагал от берега.

Так произошло первое знакомство Камыля с Ибраем. Потом они встречались у озера почти каждое воскресенье, но Камыль долго помнил обиду и при встрече с Ибраем всегда отходил в сторону.

— Неужели ты на меня обиделся? — дружелюбно спросил его однажды Ибраю. — Если и виноват, прости меня.

— Да слова не говоришь Камылю! Он стал совсем иначе думать об Ибраю, но Ибраю порешила появляться на берегу Журавального озера. Говорили, что он уехал в город на учёбу.

...

Однажды из Баку в село, где жил Камыль, приехал представитель из Министерства государственных резервов. Он собрал все сельские молодежь в лагерь.

— Ребята, — сказал он, — если вы бывали в городе, то, наверное, видели, какие большие и красивые дома строятся на его улицах. Да и не только в городе. Смотрите, какой у вас великолепный лагерь! А ведь его строили ребята чуть-чуть постарше вас. Шесть месяцев обучения в ФЗО — и каждый из вас сможет стать квалифицированным каменщиком, маляром, штукатуром, плотником.

— А высотные дома в Баку тоже строятся? — спросил Камыль, который недавно видел новый киногородок в Москве. — А если строятся, то смогу ли я потом попасть на эту стройку?

— Будешь хорошо учиться — попадёшь, — ответил ему представитель министерства. — Главное — нужно любить своё дело.

Учиться в городе захотели и другие ребята. Дело окончилось тем, что представитель Министерства государственных резервов, приехав в село, увидел Камыля в окружении большой группы шумливых и любознательных подростков. Попав в школу, каждый из них выразил себе специальность по душе. Конечно, это делалось не сразу. Сначала они дня два ходили по различным стройкам, присматривались. Только один Камыль с самого начала твердо знал, что он будет каменщиком. Если Ибраю сумел тогда соорудить красивый дом из песка, то что может сделать он, Камыль, из камня? Впрочем, ребята Камыль руководствовались только одним искренним желанием — быть хорошим строителем. Соорус с Ибраем он вообще старался не вспоминать. Теперь уж никто не называл бы Камыля «самопалом». Он приучился сдерживать себя, а если горячность иногда и прорывалась, то только от нетерпения поскорее достичь любимое дело. После того как он научился рубить камень, Камыль стал входить в стройку, Камыль стал привыкаться опытом знатных мастеров-каменщиков, слава о которых уже разнеслась по всей республике.

Однажды в училище мастер долгу и интересно говорил об одном молодом бригадире, который со своей бригадой каменщиков за четыре года построил в Сумгаите двадцать пять прекрасных жилых домов.

— А ведь Наджафов учился в нашей школе и был вначале тоже вождем, как ты. Мастерство приобрел не сразу. Зато теперь оная работа этого каменщика изучают на всех стройках.

Да, Камыль и его товарищи не раз встречали в газетах имя знатного каменщика. Но рассказ о том, что Наджафов был учеником этой же самой школы, вызвал у ребят чувство законной гордости. Особенно звалионось Камыля. Если бы ему хоть раз удалось посмотреть, как работает этот мастер, он, Камыль, считал бы себя самым счастливым человеком.

Скромное желание Камыля исполнилось неожиданно скоро. Однажды утром Камыля и его друга Асада вызвал к себе директор школы.

— Вот что, ребята, — сказал он друзьям, как только они переступили порог его кабинета. — Возьмите машину и поезжайте в Сумгаит. Найдите там Ибраима Наджафова и вручите ему наше приглашение на встречу.

С этими словами директор вынул из письменного стола конверт и протянул его Камылю.

— Точного адреса здесь, как видите, нет. Но в Сумгаите каждый знает, где работает знатный каменщик. Поезжайте.

Камыль еще сдержался, чтоб не броситься из кабинета бегом.

...

Широкая асфальтированная дорога то поднималась на холмы, то круто спускалась вниз, туда, где расстилалась бескрайняя степь. Однако эта степь не была пустынной. На широкой её груде бегали чёрные озёра нефти, мятыми вышки. Механические качалки равномерно покачивались.

Асалу, сидевшему в машине рядом с Камылем, такой пейзаж был не в диковинку. Зато Камыль, видевший всё это впервые, не отрывал от степи глаз. От автоматических работающих качалок она казалась живою, а между тем людей здесь почти не было. Через час машина была уже в Сумгаите.

Работа шла полным ходом. Стучали толпы каменотёсов, гудели крановые машины и роторомешалки, пели циркулярные пилы. На широких улицах работали экскаваторы. Они прорывали канавы для больших водопроводных труб. Дома эти, видно, только что выстроили, потому что на верхних этажах ещё возмиса стекловатки, а ещё выше над ними стучали молотками кровельщики. И эти дома с новыми крышами и распахнутыми окнами как будто улыбались друг другу. Камыль был поражен. До сих пор он думал, что такие красивые здания можно увидеть только в Баку. И Камыль, у которого в голове всегда рождалась казие-нибудь новые мысли, сказал:

— Ох, друг Асад, хоть бы по окончании училища нас послали сюда работать!

— Ладио, — ответил ему более уравновешенный Асад. — Давай сначала лучше найдём строительную контору, где нам скажут о Наджафове.

А рассказать место его работы и в самом деле было нетрудно.

— Скажите, пожалуйста, — обратились друзья к одному из каменщиков, — где у вас здесь работает Ибраим Наджафов?

— А что? — спросил каменщик и, на минуту оторвавшись от кладки, вытер лоб тыльной стороной ладони.

— Да надо бы его почитать...!

— Его, сынок, не так-то легко увидишь.

— Вот беда! — забеспокоился Камыль. — А у нас к нему письмо из ФЗО.

— Письмо? — переспросил каменщик и снова принался за свою работу. — Хоть телеграмма, сынок, всё равно раньше обёда Ибрагим из Ни за что не спустится. Высоко он работает и отпрыгаться от дела не любит.

— Ну и незачем! — огорчились друзья. — Придётся тогда подождать.

До обеда нового перерыва оставалось полчаса. И ребята, чтобы не терять времени даром, принались осматривать механизацию стройки.

Больше всего им понравилась машина, установленная на верхнем этаже. Длинный робот подъёмного крана плавно тащил вверх ящики с камнями. Как только ящик рождался с верхним этажом, ребята принались к себе и высыпали на площадку столько гальки, сколько было камня.

Когда раздавался наконец сигнал перерыва, Камыль и Асад стали в воротах, решив непременно дождаться, кто из проходящих людей и есть тот самый знаменитый мастер. Однако большинство проходящих было такого же возраста, как и Камыль с Асадом. Вдруг мякнуло чьё-то знакомое имя.

— Ибраю! — ринулся к нему Камыль. — Ибраю, ты помер!

Рослый парень в расстёгнутом комбинезоне повернул к Камылю своё широко спокойное лицо. Но губы, слегка запыленные брови его удивленно приподнялись. Должно быть, он не узнавал Камыля.

— Не узнаёшь?! — вскричал Камыль. — Быстро же ты забыл, как мы играли у Журавального озера.

Ибраю приветливо заулыбался.

— Здравствуй! Подай мне руку, товарищ! Как же ты сюда попал? У тебя, дружок, всё в порядке?

Они подошли к высокому забору, над которым ещё трудилось несколько ребят.

— Ремесленники, — показала на них Ибраю. — Только вчера окончили школу.

Камыль посмотрел на ребят с нескрываемой завистью.

— Ибраю, я так раскисаюсь, что сошла тогда твой дом. Помнишь? На берегу?

— Брунда! Ты посмотри, какие дома строи мы сейчас! Красивые!

Обрвавшись замкнул, Ибраю говорил без умолку. Но вдруг лицо его нахмурилось. Он быстро подошёл к концу забора и одним взглядом измерил прямоту линии.

— В чём дело, уста? — встревоженно спросил один из каменщиков.

— Ну-ка, принеси сюда отвес.

— А что здесь такого? — продолжал удивляться парень. — Что ты увидел плохого, уста?

ду тем Ибрай повторил свою просьбу ещё раз, и молодой каменик стал промерять кладку забора по отвесу.

— Ну что? — спросил Ибрай. — Видишь, как пошло?

Парень молча кивнул.

— Каменик должен следить за каждым камнем, — сказала Ибрай. — А при такой кладке, как у тебя, даже маленький дождь размоет эту стену.

В голосе Ибрая слышались грустные нотки. Это ещё больше пристыдило незадачливого каменика. А Ибрай, подойдя к забору, спокойно издал разбиреть его, сжимая на земле камень за камнем. Должно быть, парню было жаль своего напрасно потраченного труда. Он сжал губы, но ничего не сказал, только во все глаза смотрел на Ибрая, который, засучив рукава, сам принялся выкладывать забор.

— Каменик! — требовательно крикнул он парню. — Быстрее подавай! Каменик!

Мастерок словно игра в его больших ловких руках. Мягко шлёпались на раствор большие камни, а Ибрай всё покрикивал:

— Подавай! Быстрее!

Бедняга парень совсем запыхался.

— А ну, — распрямился наконец Ибрай, вытирая руки, — подавай теперь сюда отвес.

Он немного отошёл от забора, любясь своей работой. Потом улыбнулся и протянул мастерок парню.

— Возьми. Да в следующий раз будь внимательнее.

Парень смотрел на Ибрая виноватыми глазами.

— Простите, уста. Постепенно научусь и я.

Ибрай взял Каменика за локоть.

— Ну, пойдём... Кстати, ты так и не сказал, зачем сюда приехал.

— Да, — вспомнил Каменик, оглядываясь на ворота, через которые всё ещё проходили рабочие. — помоги нам, пожалуйста, найти Ибрагима Наджафова. У нас к нему письмо из школы.

Ибрай улыбнулся и тщательно вытер руки о комбинезон.

— Ну, давай сюда письмо.

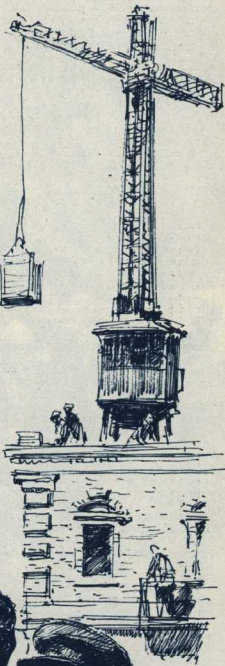
Он быстро взял и надорвал конверт.

— Что ты делаешь? — ужаснулся Каменик с Асадом.

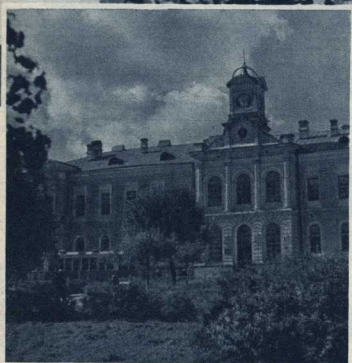
Ибрай не отвечал. Быстро пробежав письмо глазами, он с улыбкой протянул обоим друзьям руки:

— Познакомимся. Ибрагим Наджафов.

Перевод с азербайджанского.

Главный учебный корпус Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева.

В осенней дымке скрылись высотные здания Москвы. Автобус выкатил за город и, набирая скорость, полным ходом пошёл по асфальтированному шоссе.

Впереди, рядом с кондуктором, сидела белокурая девушка в синем берете и шерстяном свитере. Она вполголоса рассказывала удивлённой кондукторше:

С. КУЛИКОВ

— Да что там вишни или виноград! У нас на овощной станции дыни растут. Гусакеры повернулись, прислушиваясь к разговору.

— И сладкие такие, — продолжала девушка, — ну, прямо, не уступят знаменитым чарджуйским... Первый урожай дынь мы сняли ещё в мае.

Это в самом деле было удивительно. Ведь даже там, в зооштаб Чарджу, на берегу жёлтой Аму-Дары, дыни так рано не поспевают.

— Не удивляйтесь, — заметила рассказчица, — всё это делается очень просто. В багачей теплице выращиваются овощи в защищённом грунте на паровом обогреве... Там мы практику проходим...

Автобус шёл под кронами Лиственничной аллеи. Здесь были владения Московской ордена Ленина сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева.

Девушка в синем берете — она оказалась студенткой сельхозакадемии — взглянула в окно и, озяв тенью улыбку, сказала:

— А это гордость нашей молочной фермы. Сенаж, на ещё зелёном этапе, паслось большое стадо коров. Их было много, и все они были так похожи одна на другую, как если бы с одного негатива отпечатали сто

ЛЮДИ С БОЛЬ

одинаковых карточек. Все рослые, все чёрнобелые, с короткой блестящей шерстью, они резко отличались от разнокалиберного и пёстрого порою деревенского стада.

— Это холмогорки, — заметила девушка. — Высокая продуктивность!

...Каждый год сотни студентов, начиная с первого и по пятый курс, работают на опытных станциях и в учебных хозяйствах сельхозакадемии.

— Эту практику, — рассказывал нам заместитель директора академии Иван Николаевич Симмаков, — студенты называют по-своему — «производственным воспитанием». И это действительно так. На явках опытных станций и в учебных хозяйствах — а их у нас много не только в Подмосковье, но и в Тамбовской области, и в Саратовской, и в Ярославской — студенты закрепляют теоретические знания, которые они получили зимой в аудиториях.

В проекте ЦК ВКП(б) «Директивы XIX съезда партии по пятиму пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы» сказано:

«Главной задачей в области сельского хозяйства и в шире остаётся повышение урожайности всех сельскохозяйственных культур, дальнейшее увеличение общественного поголовья скота при одновременном увеличении роста его продуктивности, увеличение валовой

Ариадна Симонова и Василий Комиссаров, студенты плодОВОЩНОГО факультета, собирают пыльцу у лука на участке многолетних культур.

Комсомолец-дипломник Евгений Широков.

На дворе учебно-опытной конюшни. Студентка зоотехнического факультета Валия Чернова ↓ на практике.

ИМ БУДУЩИМ

Фото А. Моклецова

и товарной продукции земледелия и животноводства путём дальнейшего укрепления и развития общественного хозяйства колхозов, улучшения работы совхозов и МТС на основе внедрения передовой техники и агрокультуры в сельском хозяйстве».

Студенты сельскохозяйственных факультетов академий — люди с большим будущим. Это им предстоит выполнять директивы XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза. Ещё не учёные, ещё студенты различных курсов, они уже сейчас смело переживают опыт исследовательской работы известных учёных-мичуринцев.

В дни летней практики интересную работу вёл студент-дипломник плодОВОЩНОГО факультета академии комсомолец Евгений Широков. Он узнал, что садовенные искусственной подпорной редки, салат и шпинат, как показали опыты, будут особенно ценны в лечебно-диетическом питании.

На участие многолетних культур мы встретили практикантов Ариадну Симонову и Василия Комиссарова. Здесь в течение всего лета они изучали новые сорта лука.

Аспирант Ранса Пангакова хорошо усвоила на практике биологические особенности роста и развития грушевых деревьев в условиях Московской области.

В учебном хозяйстве «Отрадное», под Москвой, на практике были студентки плодОВОЩНОГО факультета. Студенты третьего курса Геннадий Ерёмин, Владимир Квашев, Пётр Холлов и Виктор Чижиков на новейших сельскохозяйственных механизмах знакомилась с приёмами правильного обмолота колосовых.

Прошедшим летом на учебно-опытной конюшне академии студенты зоотехнического факультета под наблюдением преподавателей изучали поведение лошадей двадцати двух отечественных пород.

Практиканты — будущие зоотехники, — изучив повадки и характер лошадей, стали легко управлять даже такими непокорными жеребятми, отцом которых был знаменитый скакун, чемпион Советского Союза «Будынок». Смотрите на снимке, как покорило стоит жеребёнок, «слушая», что говорит ему студентка Валия Чернова!

Быстро ювилась практика. И та разговорчивая студентка, которую мы встретили в автобусе, сейчас сидит, уверенно, в аудитории и слушает профессора, мысленно связывая его лекцию с днями своей работы в учебном хозяйстве «Тимирязевка» — так любовно называют студенты свою академию.

Георгий ПАВЛОВСКИЙ

Научись на дамбе

Гул моторовazole крутосклона,
Звонкие людские голоса...
С склона возмчалась в берег Дона
Земснаряда острая фреза.

И качнулся выступ угловатый,
Препяргдавший путь теченью вод,
Вместе с ним, расколотый и смятый,
Обвалился грузно старый dot.

Земснаряд пошёл вперёд, навстречу
Воле, свежим росам и ветрам,
Над каналом опускался вечер,
Зажигая огни по берегам.

А когда закончилась работа,
Сталинградцев, сменный бригадир,
Из бетонных павт, обломков дота,
Выложил на дамбе слово «Мир».

г. Сталинград.

Владимир АЛАТЫРЦЕВ

Самоходный комбайн

То по равнине,
То отагком склоном
Спокойно шёл он в золотом дыму.
Высокая и спелая,
Со звоном
Пшеница в ноги кланялась ему.

И, бывавая под барабаном жарким,
Подрезанная зубьями ножа,
Она текла в трёхтонки и бестарки
Струей зерна...
Пахуча и свежа...

Пальчим зноем поле наивавное.
Но, сотни рук собору заменив,
Комбайн работал —
И не оставалось
Ни колоска, ни зёрнышка за ним.

Лишь полендь,
Раскалённый добеля,
Сушила живенья колючие иголки...
Машины эту по полю вода
Рука двадцатилетней комсомолки.

г. Рига.

Леонид ОБРАЗЦОВ

Подарок

Сорок гектаров сада
Колхозного
Над рекой.
Посмотришь —
Душно отряды:
Яблоневый прибой
Словно прихлынула с юга
К пригороду Москвм.
Ветви в плодах,
Как дуги,
Оттянуты до травы.
Каждый, как в румянах,
Митуринские сорта!
Солнце Узбекистана,
Крымская красота,
Кольских широт закалка
Собрались в этом саду,
Чтобы вырезать подарок
Мужеству и труду.

Знатная комбайнерша Елена Митенева.

Фото Е. Халде

В САЛЬСКИХ СТЕПЯХ

А. ОДИНЦОВ

ДВА ВЕТРА

Родились два ветра. Их породали июльское солнце и разделённые тысячами километров просторы океанов и материков, тёплое и холодное течение воздуха. Крупнейшие обсерватории мира отметили возникновение

Один шёл с запада. Он возник над Атлантическим океаном и нес с собой будущие дожди. Он был основным поставщиком влаги. Его ждали наливающиеся спелыми плодами сады и нивы, ждали пашни, собирающие влагу для озимых всходов. Чем ближе было к югу, тем всё меньше сил и влаги становилось у когда-то могучего потока. Там, куда он не доходил, возникали степи. Их могли насытить лишь ветры Черноморья, тёплые влажные ветры юга.

Другой ветер шёл с востока. Он родился над раскалёнными песками Азии, окреп в огневом горниле прикаспийской изменчивости и проходил над землей, как смерч. Синеве неба застало дымчато-белое марево, всё будто горело, даже воздух вился вверх горячими струями. На цвет стало жаворонки. В тишине над степью мерно парил ястреб, выискивая выжидательную из норки полевую мышь, также испуганную надвигающейся сушиью. Не вылез, склонялись, желтели, клонясь. А ветер креп. Он нес с собой тёмную завесу пыли, застилающая солнце. Он, как косой, подрезал под корень пшеницу, выдувал самую плодородную землю.

Ветер этот жители степей называли суховеюм. Не было ни одного летнего месяца без суховея.

Такова была природа этой степи.

САЛЬСКАЯ СТЕПЬ

Почему же сегодня на тучных нивах золотится урожай и топа полны зерном, почему несощина элеватора и лущила совхозная артистка Рая Губина не устаёт записывать в тетрадь цифры и уже второй миллион пудов отборной пшеницы, взвешанной на полях совхоза «Гигант», ложится в государственные закрома?

Для того, кто не может представить, что значит 48 тысяч гектаров земли, которую подвешивают в совхозе «Гигант», для того пусть возмужит широкие стальные колеса, продолжение грейдером, по которым машина будет ездить часа два, сутки, другие и так и не обьедет всего, а дрозд шпаклов — «елкетки» полей, окаймленные широкими лесными полосами, от которых веет прохладой даже в самый жаркий день. А на полях... Что может быть красивее, раздольного степного моря хлебов, когда волна хлеба свалится Главной усадьбы совхоза расположено в большом, городском тиса пологом «Гигант», с тенистыми улицами и парками, засаженными акцией, с универмагами, больницами, школами, техникумом, редакцией и типографией, стадионом, на котором (был такой случай) московская динамовская футбольная команда составляла все сборной страны. Таков «Гигант», о котором ещё А. М. Горький сказал: «Мнеуже дождя и солнца прибор, определяющие влажность воздуха, температуру, силу ветра и дающие многие другие сведения, важные для изучения местного климата. Сотни открытий рождаются в лесных полосах. Сегодня комсомольцы студентки Ала Скрабина и Маши Иваненко прибегают к руководителю экспедиции Лаврову.

— Владимир Савельевич, у меня пропал сушеватель. У Маши в нагнетательной створке лесополосы есть, а у меня... Понимаете, в поле, в пятнадцати метрах от лесной полосы, сушеватель нет. А влажность — пятнадцать процентов... Я все приборы проверяла, точно...
— Дорогие мои, колумбы россияне, — растроганно говорит учёный и прижимает руку к сердцу, — да ведь это — замечательное явление. Мы ведь с вами для того и прорезывали поля...

Начинаются новые опыты, которые должны показать, какое количество влаги вбирает в себя гравий восточный ветер, прохладче через каждые 500 метров зелёной створки. Каким ветром, в какой час, в какие топы, какие исследователи записывают показатели своих приборов. А кто-то ведёт запись о поведении кузья кузья, маленького, с мизиничный ноготок, и с виду безобидного жука. Кто-то не аграрет вечером в полебод, не спит, всё высматривая повадки этого вредителя посевов. Пылгивого наблюдателя интересует, почему кузья переползает в приколую зону. Значит, там больше влаги!

Медленно собираются колонны цифр. Четвёртый год подряд приежают сюда учёные. Уже собраны основные материалы, уже можно вывести коэффициент, можно определить наиболее выгодную для урожая «продуваемость» лесной полосы.

— Видите, — поясняет доцент Зякин, — в поле жара, а у нас в полосе ветерок, прохлада. Пройдите туда, там всё заросло, — так парит, захватит дыхание. Значит, надо определить конструкцию лесной полосы. Это — главное, не так ли, Иван Сергеевич?

Последнее замечание относится к агроному пятого отделения совхоза Гриненко, подошедшему к нам со стороны поля и внимательно прислушивающемуся к разговору. А разговор интересный.

Начинает Гриненко, агроном члена комсомольского комитета отделения, не согласен, что это — главное.

— Почему вы считаете лесные полосы главным? Они только принимают на себя первый удар... А главное...
— Да, но сухойей... — начинает Зякин.

— Что сухойей? — перебивает агроном. — Главное — комплексное воздействие... Сравнение людей с людьми природой, с сорняками, с вредителями... Тут нужны тракторы, комбайны, самосвалы и десятки других машин, решается боевая задача: травяной полосы севооборот по Докучаеву, Костычеву, Вильямсу, по новым способам Лысенко... Вот возьмите наше комсомольское поле... и, уже обращаясь к нам, говорит: — Если хотите, могу показать, как мы как раз дума. Вот вы там всё и увидите...

Позвольте Ивану Гриненко не на чем, он пешком. До поля восемь клеток, следовательно, мы едем четырей километром. Но только мы выходим на дорогу, проложенную вдоль полосы, как нас нагоняет самосвал, наполненный зерном, и останавливается. Видно, Гриненко знает. Стоя на подножке, агроном беседует с шофёром.

— С третьей эстакады? — спрашивает Гриненко, так называемая механизированный ток, откуда перевозят зерно на элеватор.
— С третьей...
— Одним? Сколько грузилась? — Агроном спрашивает, очевидно, про электрический аэропорт, который загружает машину зерном.
— Шесть минут, — отвечает шофёр. — Механик отбил пускать переполнять. Кому ещё скажет? Он да учёника. Надо на ток ещё один португиз доставить...

— Вот тебе и ток! Когда-то самое людное место на уборке! Теперь здесь механик и учёника. Небольшая электростанция приводит в движение машины: один пронаеват зерно, другие «перелопачивают», третья грузит...
— Ладно, заеду на эстакаду, посмотрю, может, и переберось туда ещё один португизик, — обещает шофёр Гриненко. — А ну, притормози... Приехали. — Он на ходу прыгивает и объявляет: — Вот и комсомольское поле, все клетка — четыреста пятьдесят четыре гектара.

Справа, слева, сзади — лесные полосы, спереди до горизонта — убранные поля. С одного края — свежая чернота глубокой вспашки, тоже убранные поля. Где-то шумят тракторы.

Агроном нагибается и берёт в руку комок земли, сжимает его и, раскрывая ладонь, говорит:

— Глядите, структура какая... прямо, как крупа. Хороша! Да... Так вот по поле. В 1946 году на нём была озимая пшеница. Ну, конечно, вслед за комбайном провели лузжение стерни, чтобы принять испарения, сохранить влагу, задержать влагу, а перед посевом культивация для уничтожения сорняков и так далее. Но главное, не дали влаги уйти. Дождь в тот год задержался. Но всходы были дружные.

Понятно, что для агронома очень важно показать предшественство в полях севооборота, поэтому Гриненко начинает издали. Но самому агроному сколько было тогда лет?

В ту пору, когда пшеничные зёрна дали хорошие всходы, сам Гриненко только готовится вступить в комсомол. Тогда в отделении заправил комсомолом теперешний парттор Константин Погорелов да нынешний заместитель директора совхоза, а тогда молодой коммунист Василий Агибалов, а комсоргом был тракторист Иван Королёв. Вот тогда-то и возникло название: «Комсомольское поле». Решила молодежь показать всем пример и вырастить невиданный урожай. Так в протоколе и было записано: «Невиданный». Все молодежь выходила на поле. Именно здесь определилось стремление Ивана Гриненко стать агрономом: здесь крепко подружились он с всёёй авантюрой Машей Литвиновой, которая спустя шесть лет стала его женой... Пожалуй, с давних пор, по традиции, на этом поле комсомолы внедряют передовую агрономскую науку. Выросла на поле озимая пшеница, за ту пшеницу многие получили ордена и медали. Стоял поля черным яром, и уже новые комсомольцы следят за восстановлением структуры почвы, изучают агрохимику. Потом покосило поле многолетней травой — эспартагом, который обогащает почву азотистыми веществами. И собрали за два года три урожая семян, а последний урожай — рекордный — почти четыре центнера семян эспартака с гектара. Уже новые люди пахали тракторами поле, уже секретарём комсомольского комитета стал тракторист Николай Гурьев и почти все трактористы, скелетины, штурвалы стали комсомольцами. И уж восторжались! В идеальной чистоте содержалось оно. Ждали нынешней осенью хорошего урожая, а пришёл замечательный:

Хлеб идёт Утро у элеватора совхоза «Гигант».

Опыление лесозащитной полосы.

больше ста восьмидесяти пудов на каждом гектаре. Но хлеб на поле полёт. Это был ветер с востока, который во весне принёс мороз. Не будь полог, погуб бы урожай! Но нет, тридцать центнеров на гектаре лежали нетронутые, правда, лишь прибитые морозом и летним ливнями.

Со стороны полосы доносится птвичий гам. По чёрному следу вслед за тракторами важно вышагивают грачи в полевых жёлтых червочках. И комсомольские поле-то ведь уже скошено. Хлеб-то полёгший убрали, и убрали комбайнами. Вот она какая, нынешняя осень!

— Ну, и что ж, конечно, убрали. Да ведь поудите сами: времена теперь такие, что семдесят пудов с гектара считается у нас ничтожным урожаем; меньше чем сто — это тридцать пудов в среднем с гектара мы в совхозе не собираем. Вот нынче на некоторых полях лежит хлеб, собрать его трудно, хотя теперь это вопросы техники...

ВОПРОСЫ ТЕХНИКИ

Навстречу нам по полю шли шесть мощных тракторов. Они легко тянули за собой широкую стальную полосу с прицепленными к ней плугами и боровами. Прошли машины и метров на 50, на 60 в ширину глубоко вскопали землю, нижний слой — свежий, чистый от сорняков — положили наверх, заборонили, чтобы сохранилась влага.

Сколько раз за год пройдёт по полю трактор! Зимой со снегопаком, с весны до осени с плугами, культиваторами, сеялками, боровами, наконеч, с комбайнами и дисковыми лущильниками... Сколько раз за год пролетит самолёт над полем!..

...Объезжает поля во весие молодой автомогол Клавдия Рыкова, старший агроном по защите растений. Нет ли, не повывалась ли вредная личинка на липерие, ох, пора, пора выходить клопу-вредителю, а он что-то задерживается, «боже мой», — шепчет девушка. — План самолётный срывается». Но вот выжили и клопы и личинки. И уже вопрос техники: повозить в аэлаэтрад, составить график...

А потом над полем летают самолёты уже не с ядами, а с суперфосфатами, с аммиачной селитрой, калийными солями, и в один раз. Незовыла Клавдия Рыкова, главная защитница растений: ей нужна самолёта с большой грузоподъёмностью. Так, топы на полторы. Неужели гражданский воздушный флот не может дать совхозу таких самолётов! Как на большом заводе, говорят в совхозе о мощностях, об энерго-

вооружённости. Многозначные цифры можно не приводить, потому что важен не запас мощностей, а выработка на трактор, которая беспрерывно растёт и нынче достигла почти 700 гектаров; важно, что все многочисленные машины на фермах — насосы, электродвигатели, электротрижки, и личные крупношри — приводятся в движение моторами, которые управляют люди.

Сейчас в колхозе в день в среднем на одного рабочего приходится 89—90 гектаров обработанной почвы.

Однако при всём этом убирать нынче кое-где полёгший хлеб было очень тяжело. Это задерживало уборку, затягивало вслед идущую хоту, а следовательно, и озимый сев. Южные ветры принесли дожди, они вызвали буйный рост сорняков и особенно так называемой «берки», вышедшей зелени с розовыми колокольчиками.

— Чёрт бы её дра! — возмущалась всегда спокойная и уравновешенная Елена Митенко, начальница молодежко-комсомольского клуба нового агрегата. — До чего живучее растение! И на мотовило наматывается, и нож его не берёт, то и дело остаивались машину! Разве туборка! На первой скорости да на тихих оборотах...

Скоро уж третья неделя, как возует Елена в степи. Некуда не так долго отъезды. Как же ускорить её? Кое-что делается. Сначала в приспособлений для лучшей уборки полёгшего хлеба. А вот нынче в рога. К комбайну Елены подкатывает слетучка.

— Стой, Лена, стой! — кричат, выскакивая из машины, механики.

— И так стою, замучила-продряхла «беркину»!

Пока механики и слесари являт новое приспособление, в мастерских главной усадьбы стоят наготове кузнецы, ждут слесари. Телефонистка Аня предупредила всех, кого могла: на пятом отделении испытаны новое изобретение. Ждёт директор Фёдор Антонович Бойко, зовут спрашивает Ано: ну, как?

А в поле уже управляют!

— Пускай, Лена! Все!

Поднимаются на мостик, становятся к штурвалу, и трактор трогается. Клубится пыль, измельченная солома; зерно, ошмидая, медленно оседает в бужер, а комбайн идёт без остановки, ножж рассекает «берку». Елена не набутовает:

— Ну, спасибо, ребята...

Куда там! Механиков уже не было. Уехали. По пути из загончик в стень, позволили в мастерскую, а телефонистка Аня... Словом, не в совхозе уже узнали про новое приспособление. В мастерской кузнецы отковыляли новые детали, их собрали слесари, а вскоре дескто машини разыхался по отделению. Не один комбайнер скажет механикам сегодня:

— Ну, спасибо, ребята...

Ещё бы! Производительность увеличивается чуть не вдвое. Но не равно, медленно идёт уборка. И директор решаете на последнее. Зовит в Москву: прощу помыч комбайнами, нам нужно 25 машин.

Комбайн! Поминте, диковинным чудешем вышел когда-то в степь. Максимум, как же теперь, обитием без зерна и косы, без лобогрей и молотков! А теперь без комбайна и не подумашь об уборке. И вот вчера был разговор с Москвой. В тот же день, Ростовский завод погрузки встречать на станцию Трубекувию новые хозяева — 25 комбайнеров, 25 штурвалных, 25 соломокомбинильных. Нашлись в совхозе люди! Да ведь теперь любой рабочий совхоза — механик. «Чёрной» работы нет — все механизаторы.

...Роса села к полуночи. Елена Митенко подала сигнал, и тракторист Николай Гурьев остановил агрегат. Сошли на землю штурвалный Владимир

Ковтулов, юнгоинский Иван Пасеев.

— Холодно, прямо дрожь берёт, — сказал Иван. — Пойду в будку.

И будки раздалась вновь осуду. Привезли на дивные ужины.

Комсомолмы включили свет, осмотрели машину и тоже пошли в будку.

И так бывает: после трудного дня работы, после ситного ужина усталость сразу даёт себя явить. Прилегли на койки. Спать не хотелось. Открыли окна, двери; повало тёплым влажным ветром.

— Восточный ветер, — определил штурвалный.

— Это с Цимлянского моря, — сказала Елена.

Анна КОВОСОВ

Две пустыни

Вновь солнце пламенем пожара
Плывёт над Африкой в зенит.
Под ним горячая Сахара
Верблюжьей шкурою лежит.

Своей дорогой, длинной-длинной,
Бредут барханы, как гурты;
Белеет череп беднура,
В колодеце рядом нет воды.

Жара подневная в разгаре,
Метёт удлинный самум.

Как не завидно Сахаре
Судьбе пустыни Кара-Кум!

Перевёл с турменского
Я. КОЗЛОВСКИЙ

Знатный экскаваторщик строительства Цимлянского гидроузла комсомолец Алексей Чернышев.

Фото Я. Халипа

Интересный набросок.

Фотоэтиюд А. Моклецова

РОДНАЯ СЕМЬЯ

Рассказ

Над заметным снегом болячком, над прогнувшимися под тяжестью снежного убора ветвями деревьев и покосившимися кустами, над небоязливым и спорым снежинками пылая струится желтый голубоватый свет. Далеко впереди, где дорога опускается в долину, вылетают тонкие дымки. Там село.

По дороге идет Филипп, пятинадцатилетний подросток. Он одет в уютные, теплые штаны с большими бастинами пуговицами. На голове у него фуражка с акрированным козырьком, из-под которого сверкает черные живые глаза. Сугубое лицо его раскраснелось на морозе. В одной руке он держит небольшой желтый сундучок, в другой — баулу чертёжную доску с кожаной ручкой. Филипп проваливается в сугроб, затем благополучно вылезает и продолжает свой путь. Село уже близко.

Уже два часа прошло с тех пор, как Филипп вышел с поля и шагала через пустынное снежное поле по дороге, ведущей на Аппен. О чём же он думает? О дневнике с отметками, который он положил во внутренний карман пиджака, о восторженной ночи, проведенной в общежитии, о шумном вокзале в Русе, по которому он в замешательстве бежал, спрашивая у каждого встречного железнодорожника:

— Когда отправляется поезд на Балканы?

Но теперь, когда до села уже рукой подать, в голову мальчика закрадывается тоскливая мысль: а к кому он, собственно, идет? В чью дверь постучится? Где поставит свой единственный чемодан, проведет ли доску? Кто его примет, как родного?

«Не так много времени прошло с тех пор, как Филипп в рубашонке и коротких равных штанишках бежал по деревенским улицам, и ребята гнались за ним и дражили его»

— Цыганенок, цыганёнок!

Тогда он был толстым Филипп Цыганёнок. Мать его умерла, когда он был ещё очень мал, и мальчик совсем не помнил её, отец уехал куда-то в Тырново. Мальчик остался один. Ему удалось устроиться на работу в кузницу. В кузнице поставили для него койку, мастер привнес ему из дому чистое одеяло, и для Филиппа началась новая жизнь. С утра до вечера он раздвигал горн. Когда он вставал, на яркое пламя, на раскалённые добела куски металла, снопы искр, разлетавшихся в воздухе, ему хотелось схватить молот и клещи и ковать и резать металл точно знает, из проволоки мотать котлы, паути, подковы, и чтобы все знал, что это слеза он, Филипп.

Дядюшка Нено любил ему рассказывать: — Твой покойный дед, Филипп, считался самым лучшим кузником в округе. Он был самоучкой и не имел патента, но все бегаки к нему с заказами. Я часто ходил к нему, чтобы поаплобавать его искусством. Не работая старшим Филипп — рисовал! Его свиряла были лучше фабричных. Тонкая работа. Он даже умел вырезать — настоящие английские иголки. А если ты будешь слушаться меня и учиться, станешь таким же мастером. У тебя талант в крови...

Сперва Филипп, слушая мастера, только широко раскрывал глаза. Ему всё казалось, что дядюшка Нено шутит с ним. Он не мог поверить тому, чтобы старый цыган делал иголки, которые ничем не отличались от фабричных. Вечером он, лёжа в постели и закрывая глаза, в голове алмаз и мечтал. В светлых местах он видел, что стал уже большим мастером, а дед,

ше дед. Он научился делать иголки, тоненькие, бастиные иголки, все его хвалит, выискивал ему трудовые иголки. Мальчик полюбил своё ремесло и делал в нём большие успехи. Кузнец стал думать, ему сложные работы, горали те, что сумел выучить его за такой короткий срок. Вечером, когда члены трудового земледельческого кооператива собирались в конторе, старик говорил:

— Из Филиппа выйдет толк! Он всё схватывает на лету! В крови у него талант... Однажды в кузницу пришёл из МТС тракторист, पहавший земау в Аппенском ТКЗХ. Дядюшка Нено не было, он уехал в город за материалами, и тракторист поэтому обратился к Филиппу:

— Послушай-ка, паренёк, не соорудишь ли ты для меня железную раму? Я хочу соединить вместе два паути, трактор здоровый — вытиснет... — Изготовить можно, но сейчас мастера нет, уеха.

— А ты-то зачем здесь сидишь? Только горн раздвигать умеешь? Филипп покраснел. Он посмотрел на недоверливого тракториста, подумал и сказал:

В. ПУХНАЧЕВ

*Души
кавказской
волны*

На каменных грядах вскиная,
Свергались в просторы долины,
Мстучий смел Альпы
Тоскует о несне турбин.

Катули бы с Волгой ситесь!..
Приди, поклониться бы ей...
Негадущей вспыхнуть зарницей
В едином созвездье огней.

Грешит, ударишь о скалы,
Кидает в развал валуны.
И верит, что Волга узнала
Все думы катульской волны.

— Что же, давай попробуем.

— Ну, вот это другой разговор! Я тебе помню, здорово мы как-нибудь утрясались.

Работа! Вась день. К закату солнца погрузил раму на телегу и поехал в поле. Филипп чувствовал себя совершенно самостоятельным работником. За ним не следил зоркий, притиривший взгляд мастера, и это придало ему бодрости и смелу. Тракторист взобрался на сиденье иაკвалит мотор. Два паути тинулись сади, глубоко вонзая лемехи в толщу земли. Филипп глядел вслед машине и чувствовал, как крепнет и наливается мускулами его рук.

После первого круга тракторист крикнул:

— Великолепно! У тебя золотые руки! Тебе непременно нужно ехать в город учиться, стать инженером!

То, что сказал тракторист, порадовало и вместе с тем поразило Филиппа... Ему

хотелось догнать парня, поговорить с ним, но трактор уже повернул обратно, слезы смеясь борозды от двух паути. Слово тракториста развлекло в воздухе вместе с дымком от мотора, как если бы они и не были сказаны.

Но в действительности эти слова глубоко закрепились в душе маленького кузнеца. Он перестал думать об английских иголках своего деду, ему хотелось одного — учиться, но он плохо представлял себе, где и как сможет осуществить свою мечту.

Однажды после окончания работы, когда мастер Нено, умывшись, направился к выходу, Филипп остановил его.

— Дядюшка Нено, я хочу учиться, — несмело проговорил он.

— Учиться? — удивился старик. — Ну и учишься на здоровье. Разве ты сейчас не учишься?

— Нет... я хочу учиться по-настоящему... в училище.

— Училище? В каком ещё училище? Филипп опустил голову. Слова горького были сорваны с языка, но он не смел их произнести. Наконец Филипп сказал:

— Я хочу стать техником! Хочу поступить в техническое училище.

Мастер усмехнулся:

— Ишь, что выдумал! Техником! А сразу инженером же хочешь стать? Всё плохо как по маслу, а он, галин, что придумал! — И мастер пошёл из кузницы прямо домой, не заходя в контору, из чего Филипп заключил, что он сильно рассердился.

На другой день Филипп отправился к Андрею Валуцу, секретарю партийной организации ТКЗХ. Тихоноко вошёл в комнату, он подошёл к столу и остановился.

— Что скажешь, Филипп? Мальчик етово проща Андрея и глядел ему прямо в лицо. Глаза его были расширены и влажны, как будто он вот-вот собирался заплакать.

— Дядя Андрей, я хочу учиться, — сказал он дрожащим голосом.

Целый час спорил Андрей с Филиппом, а вечером у секретаря произошёл разговор с мастером Нено.

— Что ж это получается? — горячился старик. — Целый год я обучал его, возмис с ним, а теперь должен отступить на все четыре стороны? Плохо ты, Андрей, зачинаешь, интересы ТКЗХ. Ведь подготовленного человека выпускаем из своих рук!

— Что, хорошо работает Филипп? — спросил Андрей, искоса поглядывая на мастера.

— Хорошо, конечно, жалко отпускать! — Вот поэтому-то и думаю, что нужно его учить: он станет работать ещё лучше. А ты не противись этому, не срамысь. Радоваться нужно, что парень в галин вылетел.

Так Филипп отправился на учёбу в техническое училище в Русе, как стипендиат ТКЗХ. Андрея проводила его на вокзал, дал ему денег и на прощанье сказал: — Каждый месяц будешь получать столько же, а ты старайся, трудись! Будешь плохо учиться, подведёшь и себя и меня!

«Хорошо ли он учился? Какие отметки вёзёт он в своих дневниках? Пятерки, четверки, тройки, двойки? Он смехал из Русы в несёдом настроении, но теперь, по мере приближения к родному селу, на душе у него делалось всё тревожнее. Его товарищи по пути разбегались по домам, с своим родным, только у него нет ни дома, ни отца, ни матери. Кому он покажет дневник, кто порадует его отметкам? Дядюшка Нено, конечно, ещё сердится на него, хоть и делал ему чер-

1 ТКЗХ — трудовое кооперативное земледельческое хозяйство.

тежную доску... Андрей подаетст ивещник и скажет, наморщив лоб: «Плохо, что у тебя тройка».

Верно, что плохо. Филипп сам это знает, и ему делается не по себе при мысли о близкой встрече с Вацовым.

Раньше всех увидал его сторож кооператива Тотю. Он удивленно уставился на парня в незнакомой форме: не то милиционер, не то лесничий.

— Ты кто такой будешь?

— Это я, дядюшка Тотю... Филипп.

Тотю, чуть не вымгустив от изумления бровянку из рук, подбежал к нему и закачал его в объятия.

— Филипп! Гадитесь-ка, Филипп!.. Сторож прямо-таки любовался им. Не помня себя от восторга, старик закричал во весь голос:—Филипп! приехал!.. Филипп!..

Из конюшни, овчарни, конторы—отоспелу бежали люди: Пого, Языл, писарь Марин, коровница Русяка... Они вертели Филиппа во все стороны и гадали на него радостными, возбужденными глазами. Сторож Тотю поглаживая пуговицы на ширине, кожаный ремень. Он снова фурявску с головы мальчика и снова восклицал:

— Смотрите-ка, Филипп!.. Наш Филипп! Он или не он, просто не узнали!

Из канцелярии вышел старый мастер Нено. Он шёл медленю, напрямик через сугробы и, не отрываясь, гадал на Филиппа. Подойдя совсем близко, он остановился:

— Ну что, изучил все науки? Всё изучил?

Филипп засмеялся:

— Разве за три месяца можно всё изучить, мастер Нено?

— Теперь и тебе не мастер,— вздохнула дядюшка Нено.— Теперь ты и сам уже мастер!.. И он схватил его за руку.

— Что вы здесь застряли, друзья? Что же вы не можете пригласить его в дом, где потеплее? Разве это не наш парень? Пошам, Филипп!

Всё возмал и потоглаживую контору, раскосился на аввак. Один только сторож Тотю остался на дворе, на своём посту, огорчённый тем, что не услышит, о чём рассказывает Филипп. А Филипп рассказывает о своих занятиях, об учинице, о товарищам:

— А доска хорошая?—осведомился старый мастер.

— Очень хороша! Спасибо, дядюшка Нено.

Дверь распахнулась, и в комнату вошёл секретарь партийной организации Андрей. Филипп вскопал с места.

— Ого, Филипп! С приездом! На каникулы?

Мальчик стигнува протягивую ему руку и опустил голову, чтобы никто не заметил его удивления. Глаз.

— Ну как, учишься?

— Учуся, дядя Андрей. У меня только одна тройка... И только теперь Филипп достал свой дневник из кармана и подал его дяде.

Дневник переходил из рук в руки, но Филипп гадал только на Андрей. Чтото скажет он по поводу тройки?

— Хм!.. Тройка! Нужно исправиться...

— Я исправлю, дядя Андрей, все каникулы буду заниматься.

На дворе уже совсем стемнело, когда дядюшка Нено поднялся с места. Постояв немного, он спросил у Филиппа:

— Ну, а теперь куда пойдёшь?

— Куда пойдёт?—отозвался чабан Гочо.— Ко мне пойдёт. Постель готова, чистая, никто ещё не спал на ней.

Мастер сардпо покосился на него и, взяв в руки зелёный сундучок и чертёжную доску, отрезал:

— Филипп будет спать дома. Пошам.

Андрей, улыбаясь, гадал, как оба-старый мастер и Филипп—вышли вместе на улицу, в ночь зимнюю потю.

Сторож Тотю крикнул им вслед:

— Филипп, приходи завтра пораньше, всё мне расскажешь!

Перевод от болгарского
М. ФРАКТЕР

Строительство Каховского гидроузла. Сверхмощный земснаряд «1000-80».
Фото Ю. Лихутин

Василий РОСЛЯКОВ

НОВАЯ КАХОВКА

1

Первым, с кем познакомился я в Новой Каховке, был литературный сотрудник газеты «Всеукраинская стройка» Толя Кузнецов. Светлоорусый пареньк в очках сидел за редакционным столиком и готовил заметки для полосы «Волгодонцы на Днепре». На мою просьбу познакомиться меня с переводными строителями Толя сказал:

— Люди у нас все как на подбор.—Он достал из ящика пухлую папку с полинявшими корками и стал называть фамилии строителей, их места работ, домашние адреса и короткие биографии.—Волгодонцы? Пожа-рошьте, отделью сложеную стопку бумаг.— Вот вам Сироткин Михаил Александрович—началник земснаряда «500-60 №1»; Зуенко Александр Фёдорович—механик сверхмощного земснаряда «1000-80»—стоит возле «Онеги»; Горбик Сергей Андреевич— сваренер. Его можно найти или на стазиионе, а на сренере № 67, или дома. Адрес: Виноградный городок, 4-я линия, вагон 16.

Меня заинтересовал необычный домашний адрес Сергея Горбика, и мне захотелось побывать у молодого секретаря дома.

Через несколько минут мы с Тошей уже шагали по пыльной улице строящегося городка. Мой спутник с восторгом рассказывал о Новой Каховке.

— Знаете, какое у нас самое ходкое слово?—говорил Толя, размахивая блокнотом.— Слово «будет». Школа? Будет школа! Новый квартал? Будет новый квартал! Но сейчас всё чаще и чаще уже говорят «есть». Театр? Есть уже новый театр! Асфальтированная центральная улица? Есть улица!

Я взглянула на тяжёлые катки, которые разравнивали горный асфальт, и Толя, улыбающийся, поправился:

— Почти есть новая асфальтированная улица!

Мы свернули за крайние новые корпуса жилых домов. Много, повсюду нас тучей мелкой пыли, прошли самовалы. Ити было трудно. Ноги утопали в песке, солнце обдавало невыносимым зноем.

За голыми песчаными перекатами показались длинные ряды железнодорожных вагонов. Согласно адресу, мы перешли на четвёртую линию, отыскали вагон 16 и вступили в дверь. Шёлкуня ключ, дверь распахнулась,

и молодой парень в соломенной шляпе, в майке и белых спортивных тапочках, обжеи по стрункам, легко спрыгнул на песок. «Спортсмен»,—подумал я, вспомнив, что Толя советовал искать Горбика на стадионе.

— Мы к вам. Здравствуйтесь!—сказал Толя.

— А я только что собрался к япарнику, на стадион,—ответил Сергей Горбик; он нерешительно переступал с ноги на ногу, соображая, как ему поступить—идти ли по сво ему делу или же пригласить гостей в вагон.

— Чем вы занимаетесь на стадионе?—спросил я Сергея.

— Как чем? Стрелы! Насыпаем откосы для трибуны.

— Ах, вот как!

— Может, вы подумали, что в футбол по-наем?

У Сергея были большие светлые глаза. И когда он смотрел на собеседника, то и дело прикрывал их длинными выгоревшими ресницами, словно смущался той доверчивости, с которой смотрели на человека его почти по-взрослому нежные глаза.

— А вообще,—сказал Сергей Горбик,—я с удовольствием погонял бы мяч. Даже в такую жару. Жили у нас тут студенты-практиканы. Так мы прямо в степи, за нашим городком, составляли устривали. Надо поскорей стадион кончать. Тогда уж поиграем!

Мы вошли в маленькую комнатушку через проходную-тамбур. Две чистенькие кровати, тумбочка, вверх полка с книгами. По корешкам я прочитал несколько названий: «Жизнь моря» В. Г. Борова, «Водитель» А. Рыбикова и, кажется, томик Некрасова. На тумбочке лежала потрёпанная книжка «Василий Теркин».

— Наш герой,—сказал, улыбувшись, про Теркина Сергей.

— А кто здесь жизнью моря интересуется?—Живёт со мной бывший морячок олд. С Тихоокеанского. Он меня проведёт в морское дело, а я его—по технике.

Горбик помолчал. Закурив.

— К технике и душой прирос, на всю жизнь полюбовался. С радостью поехал на Волго-Дон. Там обучил меня. Дал машину. Очень хорошая машина—скрепер. Народ не жалует технику для своих строек. Ну, конечно, мы старались не остаться в долгу. Неполезно поработали на канале. Машину я берёб больше всего. Потом работы на Волго-Доне закончились, и комсомол послал меня в Каховку...

Скреперист встал, надел соломенную шляпу и предложил мне посмотреть, как работает его скрепер.

— Миша, наверное, уже заснул так. Надо навестить, — сказал Сергей, закрывая дверь.

Миша Жидель — смешиль Сергей и хороший его товарищ. Горбик обучил его искусству управлять скрепером и взял к себе в помощники. Сейчас на стройке ситчат модных скреперистов машины № 67 одним из лучших комсомольских экипажей.

По дороге я распрашивал Сергея о бытовых условиях, но надоели ли ему жить в квартире-вагоне.

— Мы, строители, народ привычный, — ответил Сергей. А вот дождик и жужу переселился в новый дом. За этим дело не станет.

Когда мы подошли к будущему стадиону, Горбик ещё издали узнал свою машину и показал её мне. Разернувшись на пешеходной разворотной мосте, скрепер набирал грунт. Потом, сорвавшись и грохоча, медленно поехал на тренировку в откосы. Из кабины вылетела маленькое лыско. Миша Жидель заметил своего товарища, вскинул светлый, полинявший чуб и встать как-то присянулся. По едва заметным движениям можно было видеть, что Миша обрадовался приходу товарища и стал строго докладывать. Провишав с нами, машина остановилась. Чужаки, замешанные скреперист убулдыли и пригласили в кабину. Хотя сиденье и было рассчитано на трёх человек, всем нам было тесно. Мне приходилось то и дело перемещаться с места на место, чтобы дать возможность скреперисту управлять механизмами. В грохоте и шуме мотора я не мог слышать, о чём говорили товарищи, но лица их были озарены.

Скреперы насыпали четвёртый откос стадиона, три других были разровнены и имели уже трибуны. Проходы, правда, были ещё не асфальтированы, а лишь выложены мелким камнем. Вместо скамеек пока ещё стояли выструганные деревянные скамьи. Футбольная площадка выкладывалась дерном, который подвозили на самосвалах гидроэкскаватора. И уже легко можно было предсказать, как на этом молодом поле скреперист Сергей Горбик ведёт вой к воротам «спртвиника», защищая спортивную часть механизаторов великой стройки. Посмотрел я на скрепериста, задумчиво стоявшего на каменном основании трибуны, и мне показалось, что он мечтает о том же самом.

На память пришло слово восторженного соотрудника «Бенародской стройки»: «Есть, почти есть новый Каховский стадион!»

Здесь, на восточной трибуне, мы расстались с Сергеем Горбиком.

— До встречи, — сказал он, — если не здесь, то где-нибудь на новой стройке.

И вот, подумал я, в самый разгар работ уже мечтает о новых стройках.

II

Если земснаряд «Онега» имеет вид океанского парохода, то электрический земснаряд издали напоминает пловучий завод. Над его высоким гранёным корпусом свиного цвета поднимаются к небу, как заводские трубы, две сваи — одна чуть пониже другой.

Заторный матрос на шлюжке перевёз меня на борт земснаряда и провёл по лестнице наверх. В небольшой комнате за столом, склонившись над раграфлённой таблицей, сидел начальник земснаряда Михаил Сироткин. Поднявшись из-за стола, он весело ответил на приветствие. Среди мерного и неутомного гула моторов я долго не мог привыкнуть к мысли, что передо мной начальник, да ещё такой машины, которая одна потребляет электроэнергию пяти-шести средних межкомнатных гидростанций. Худощавый, востроносый, с расставленным воротом сетевой рубашки, Сироткин казался мне типичным студентом-проектировщиком. Он был как раз в той поре пикающего производственного, когда ещё сильно желание отменить своё нечисто избранной профессией. Трудно было объяснить члену иным огромные резные снаги гидромеханизатора, которые не без гордости носил Михаил Сироткин.

Начальник земснаряда «500-60 № 1» охотно рассказал о себе, о своей интересной работе. Михаил Сироткин действительно только в прошлом году сошёл со студенческой скамьи. С группой одноклассников по Московскому высшему техническому училищу имени Бурякова он прошёл производственную практику на Волге-Доне, успешно защитил диплом и в качестве молодого инженера был послан на строительство Каховской ГЭС. Работал здесь мастером опытного намыва, а в конце мая вместе со своим земснарядом в торной моторовался в Запорожье, прибыл в вагон.

— Сегодня ночью, — сказал Михаил, — мы вошли в котлован будущего шлюза.

Было видно, что это обстоятельство волновало Сироткина больше всего. Если до этого земснаряд Сироткина выполнял резервный грунт для нужд строительства, то с нынешнего дня ответственность возросла. Вместе с этим возросла и честь экипажа землессола.

Мы вышли на мостик, и Сироткин показал мне огромную площадь, на которой день и ночь трудился гидромеханизатор со своими мощными землеройными машинами. Позади дымила труба земснаряда «Онега», который рыл котлован для Каховской ГЭС.

— А за «Онегой», видите, — сказал Михаил, — стоит сверхмощный «4100-80». Начальник на нём — друг мой, Лёва Гринский. Тоже бывший студент, — улыбнулся Михаил, — шесть лет в одной комнате прожил, по одним книжкам учились. И здесь не расстаёмся.

К борту причалила лодка. Из неё вышел высокий человек с красным загаром на воле: том лице. Когда он поднимался по лестнице, Сироткин сообщил:

— Павел Павлович Гадуков, начальник первого участка Управления гидромеханизации. Бывший начальник экипажа «Онега». Гадуков одет был детско, по-детски, в светлой сорочке, белых полтинных брюках и дёгных туфлях.

Начальники, из которых один мог бы быть отцом, а другой сыном, прошли в кабинет. Моё внимание привлек месячный график работ земснаряда. График был приклеен к стене, за стеной багетмейстера, стоящего у пульты управления. На разноязычной бумаге с левого угла уходила зигзагами в правый верхний угол голубая стрела. Стрела изображала возростающий день от дня темп работ. Чуть повыше голубой стрелы проходила красная, которая свидетельствовала о невыполнении суточных заданий. С двух с половиной тысяч кубометров вынужено грунта ещё в дни наладки и перестановки земснаряда цифра выработки на середине графика выросла до проектного задания — 5 тысяч кубометров. Затем, перелавил и эту цифру, стрела упиралась в новую — 7 500.

Когда я вошёл к Сироткину, тот попрежнему сидел за столом с карандашом в руках. Павел Павлович Гадуков, стоя, отдавал трудно понятные для постороннего человека приказания. Говор его звучал уверенно, властно. В его коротких репликах, вопросах и распоряжениях чувствовался огромный опыт, и, казалось, он располагал большой осведомлённостью в делах экипажа, чем сам начальник земснаряда.

— Сколько мы можем пройти ещё с этой бухтой? — спрашивал Гадуков, и было видно, что он наперед знает, сколько именно они могут пройти ещё со своей бухтой. Бухта — это тот самый пучок воды на ползавках, согнутый улпкой, который, разряжаясь, даёт возможность продвигаться земснаряду вперёд.

Сироткин молчал, что-то подсчитывая про себя.

— Считали, сколько осталось свободных ползавков? — Павел Павлович наводилым вопросом помогал молодому начальнику найти правильный ответ.

— Мы не считали, но, судя по прошлому, можно пройти ещё...

— Сорок метров, — отрезал Гадуков. — Пусть ползавков свободных, — добавил он мычливо.

— Да, метров сорок, — согласился Сироткин.

— Какие ко мне вопросы? Только срочные, чтобы решить сегодня же, на пляжёрке.

— Болты, Павел Павлович. Заказали и ждём. А нужны срочно.

— Всё? — И Гадуков, быстро поворачившись, ушёл.

— Есть у кого поучиться, — сказала я Михаилу. Сироткин поинтересовался кивком головы, а глаза его ещё сияли счастьем и гордостью, что работает он с такими людьми, как Гадуков. И трудно было скрыть вчерашнему студенту, что ему очень хочется стать именно таким, как этот человек с крепким загаром на волевым лице, с огромным опытом и знаниями.

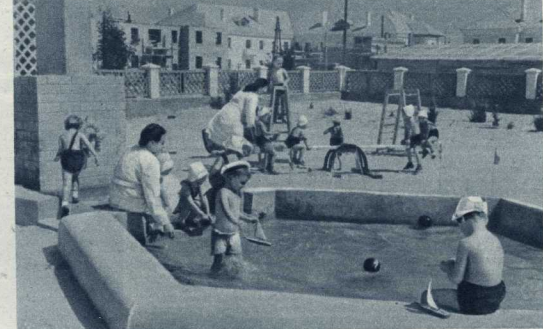
Сироткин вышел на мостик и охлинула багетмейстера.

— Что же мы не углубляемся, — сказал он строго, — в шлюз-то ночью вошли? Давайте углубляйтесь!

Можно было не сомневаться, что слова, которые Сироткин сказал багетмейстеру, несколько минут тому назад он сам выслушал от Павла Павловича Гадукова.

Ужежал я с земснарядом на попутном катере. И сколько ни оглядывался назад, на мостике всё ещё стоял, задумчиво глядя на Днепр, вчерашний студент в больших резных снагах гидромеханизатора.

Новая Каховка.

Новая Каховка. Детский сад для детей рабочих и служащих Каховского гидроузла.

Фото А. Фатеева

Александр Николаевич

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

В мае 1790 года петербургский книгопродавец Зотов, державший лавку в Гостином дворе, получил для продажи двадцать экземпляров только что отпечатанной книги. Она называлась «Путешествия из Петербурга в Москву».

Фамилия автора на титульном листе не было, не значилась и фамилия издателя. Но купец Зотов от этого не испытывал ни малейшего беспокойства: разрешение на печатание книги дал сам обер-полициймейстер столиц, всем известный Никита Рылев. Что же касается спроса, то лучшего и желать не приходилось. «Сию книгу», — показывала впоследствии книгопродавец, — многие, многие стали спрашивать». Зотов помышлял только о том, чтобы обеспечить себе новой партии столь ходкого товара. Но тут с ним приключилась беда: неожиданно его «вызвал под стражу», и он предстал перед лицом самого руководителя тайной полиции, «скутобойца» Шенковского, одно имя которого леденело сердца людей.

Тридцатого июня был арестован и автор, он же издатель книги, Александр Николаевич Радищев, видный чиновник, человек достаточно известный в обществе.

Купца Зотова, повинившего в своей «глупости», Шенковский скоро выпустил из острога; не медлил он и с расследованием «преступных деяний» самого Радищева: уже в середине июля состоялся суд, и автору «Путешествия» был вынесен смертный приговор.

Смертный приговор за написание книги! Да, с точки зрения Петербургской уголовной палаты, судьи Радищева, с точки зрения Сената и Государственного совета, существовавших приговоров, с точки зрения императрицы Екатерины II, самозинно руководившей всем ходом следствия, автор книги заслуживал не меньшего наказания. И если Екатерина, продолжив приговоренного соруж два дня в мучительном ожидании казни, заменила её ссылкой в Сибирь, то это было вовсе не актом монаршего «внукодушия» или «милосердия». Человек, о котором Екатерина сказала, что «он будущий хуже Пугачёва», не мог рассчитывать на снисхождение. В действительности это был один из либернейших поступков императрицы, любившей разглядеть роль «просвещённой» и «внукодушной» государыни. Она считала, что большой Радищев не вынесет тяжёлой дороги в Сибирь. Её ожидания, несомненно, оправдались, если б одному из друзей и покровителей автора «Путешествия», графу А. Р. Воронцову, не удалось смягчить тяжёлый режим, установленный для ссыланного с первого же дня его вытарства по этапам.

Законанного в кандалы, обложенного в запертый для глаз нагойный тулуп одного из тюремных сторожей, Радищев отправлял в великой степи. Ему не разрешал даже проститься с семьёй. Путь, простиравшийся почти на семь тысяч вёрст, лежал через Тверь, Нижний-Новгород, Тобольск, Томск, Иркутск, а затем, расходясь с большим Сибирским трактом, поворачивал на север и жался к берегу реки Лены.

Проезжая через Тобольск, ушник написал семь стихотворных строк:

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? —
И тот же, что и был и буду весь мой век.
Не свет, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложит, где не бывало следу,
Для борзых смельчанов и в гроше и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине и в страх
В острог Илимский еду.

Эти гордые слова как нельзя лучше характеризуют Радищева.

Продолая путь из каземата Петропавловской крепости в Сибирь, Радищев в самом деле как бы проложил дорогу для «смельчанов и в гроше и в стихах»: в девятнадцатом веке этой же дорогой шли поэты-декабристы, петрашевцы, шёл Чернышевский. Но в пророчестве претчел декабристов и революционеров-разночинцев тайная и другая, гораздо более важный смысл: Радищев своим действительным проложением идеальной дороги для последующих поколений русских революционеров.

Палата, приговорившая автора к смерти, в том же приговоре осудила на уничтожение и его труд. Но, несмотря на все старания вытравить из общественного сознания самую память о Радищеве, это самодержавно не удалось. Книга пережила своё время и стала одним из самых замечательных памятников русской литературы.

Известно, что рукописные копии с ценных экземпляров книги долгое время распространялись в русском обществе. Француз Массон в своих воспоминаниях о России сообщает такую подробность: «Петербургские купцы платили по 25 рублей, чтобы иметь книгу Радищева на час и тайком почитать».

Революционные идеи Радищева вдохновляли Пушкина, и великий поэт не раз с благоговением произносил его имя. Герцен говорил о нём: «Его идеалы... — это наши мечты, мечты декабристов».

В статье «О национальной гордости великороссов» Ленин писал: «Ням больше всего видеть и чувствовать, каким наследием, густу и изобильно-тством подвергают нашу прекрасную родную царские палача, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насидки вызвали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинец 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс».

Теперь, когда эта могучая революционная партия масс, партия Ленина — Сталина, вот уже тридцать пять лет руководит народом,

строим коммунистическое общество, когда в нашей стране с избытком осуществилось всё, о чём страстно мечтал Радищев, — мы с особенной гордостью вспоминаем его имя и чтим его светлую память.

***

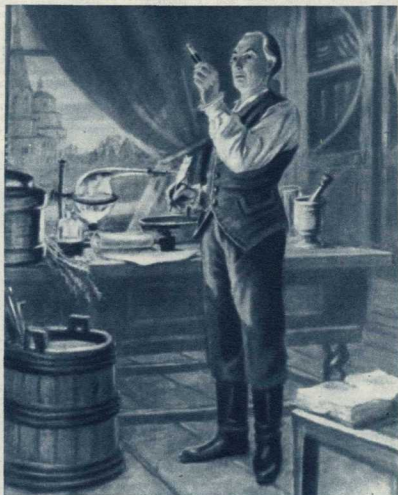
Екатерине II попал в руки один из первых проданных Зотовым экземпляров «Путешествия». В дикой злобе она испещрила его самыми резкими замечаниями, ссылая страшными угрозами. Она всесичи старалась доказать, что «красолюбивый идеал, развитые с такой скурпулезной силой в книге, якобы сплошь заимствованы автором из якобинской Франции».

Она писала: «Тут царя достается крупно... Сие думать можно, что полтит на французской развратной вымышленый пример...». «Намерение сей книги на каждом листе видно. Сопоставив оной выдочен и заражен французским заблуждением... Не только Екатерина и её ближайшнее окружение не желали признать того очевидного факта, что содержание «Путешествия» всеми корнями связано как раз с русской жизнью того времени. Это пыталось отрицать и тогдашние русские массы, ополчившиеся на Радищева. Так, князь Трубинский писал о книге, что «она имеет основанное проклетой пышнейшей дух французский».

Однако любой непредубежденный читатель легко мог установить теснейшую связь книги именно с русской действительностью, которую Радищев великолепно знал и правильно оценивал. Недаром А. Р. Воронцов метко назвал его «крителем без очков» — он вполне сумел в своих взглядах возвыситься над предрассудками и заблуждениями той явсовой среды, к которой принадлежал по рождению.

«Путешествие на Петербурга в Москву» являлось подлинной «энциклопедией русской жизни» конца восемнадцатого столетия, как роман «Евгений Онегин» был такой же «энциклопедией» для первой трети девятнадцатого века. Содержание «Путешествия» столь огромно и разнообразно, что не осталось, кажется, ни одного сколько-нибудь серьёзного общественного явления, которое так или иначе не было бы затронуто в книге. Здесь мы встречаемся и с рассуждениями о характере русского народа, и с мыслями о произволе местных властей, о феодальной иерархии, о подневольном крестьянском труде, о народном просвещении, о фольклоре, о жестокости крепостнической эксплуатации, об удушении свободы народа парадом власти, о российской буржуазии, о разложении

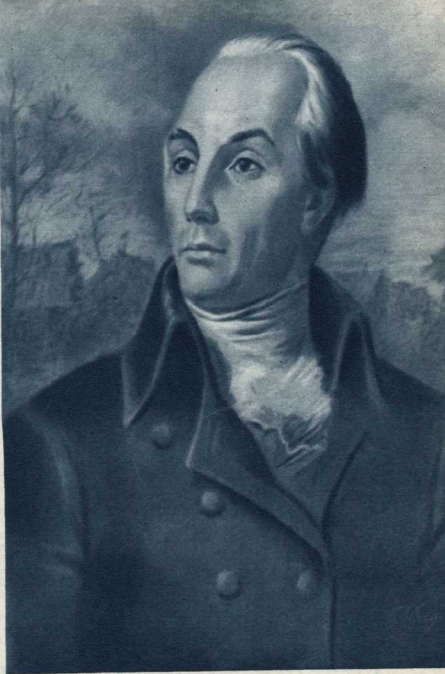
Рисунки В. Лебедева

А. Н. Радищев в своей лаборатории в селе Верхние Аблизово, Пензенской области.

Радшиев

Александр Николаевич Радшиев.

прав дворянства и о высоких добродетелях в среде крестьян, о дворе в придворных и рекрутские и крепостной интеллигенции, о революционной поэзии... Красной нитью через всю книгу проходит мысль о волюнтаризме, которая есть слав небес благословенный и представляет собой погубившее право каждого человека, потому что каждый человек, который родился в мир,— писал Радшиев,— равен во всем другому человеку.

Идея естественного права, права всякого человека на волюную гражданскую свободу, несомненно, сблизжала Радшиева со многими идеологами французской буржуазной революции. Однако по своим политическим и философским воззрениям Радшиев был гораздо более последовательным. Достаточно слышать хотя бы его взгляды на крестьянский вопрос во взглядах Вольтера.

Вольтер в этом вопросе занимал позицию идеолога буржуазии и выражал свою точку зрения достаточно цинично. В статье «Собственность», написанной для «Философского словаря», он писал: «Все крестьяне не будут богаты, да это и не нужно; нужны люди, у которых больше заплатят, и это заменит им собственность». Отвечая одному из своих корреспондентов, он писал ещё откровеннее: «Мне кажется, что мы не совсем понимаем друг друга в вопросе о народе, которого вы считаете достойным просвещения... Мне представляется весьма важным, чтобы существовали невежественные бедняки. Если бы не было ни я, земля и должны были обрабатывать её, мы бы держались моего мнения. Не чернокожего надо просвещать, а доброго буржуа, обитателя городов».

Эти утверждения французского философа, в сущности, очень напоминают взгляды русских крепостников.

Совсем иная картина открывается перед нами, когда мы обращаемся к творчеству и взглядам Радшиева. Объявляя крепостничество преступлением, он исходит не только из моральных оснований, но из предельно исторических, социально-экономических. Он не мог не видеть того факта, что крепостной труд непроизводителен, а потому и с точки экономической точки зрения, то есть именно «ради блага человечества», крепостной режим должен быть уничтожен. На место его должен прийти такой республиканский строй, где существовало бы полное экономическое равенство. Эта система взглядов позволяла ему, хотя и не осмелевая увидеть, и в буржуазном строе элементы новых общественных порядков, новые формы угнетения. Характерна в этом отношении оценка Радшиевым американской революции. Приветствуя её, как движение, приведшее заокеанскую колонию Европы к самостоятельному, независимому государственному существованию, он вместе с тем резко осудил хищнические, бесчеловечные действия европейской колонизаторской, угнетавшей, караческие инстинкты американского материка и построивших своё благополучие на рабском труде. Именно эти несчастные жертвы знойных берегов Нигера и Сенегала,— писал Радшиев,— отринутые своих домов и семейств, переселенные в неведомые им страны, под тяжким желом благоустраивая вздыхают обильные нивы Америки, трудов их гнушающиеся.

Радшиев ещё задолго до написания «Путешествия» пришёл к мысли, что деспотический порядок может быть уничтожен лишь путём революционного восстания самих угнетённых масс. Он написал однажды: «До свержения мира не будет такого примера, чтобы царь упустил добровольно то-либо из своей власти».

«Путешествия» призыв к революции звучит с потрясавшей силой. «Востанг этого кровопийца ему не принадлежит,— говорит автор, имея в виду помещика.— Оно является грабёжом... Сокрушите орудия его земледелия, сожгите его явки, овны, житницы и развейте зёрна по нивам».

Откуда эта страсть Радшиева, этот великий гнев против угнетателей?

Радшиеву с детских лет на всю жизнь врезались в память мрачные картины изувещания помещиков-крепостников. Когда он, тринадцатилетний юноша, был заключён в Павловский корпус, перед его глазами представляла во всей омерзительной наготы и верхушка крепостнического общества — двор «философа на троне», как называл Екатерину Вольтер, двор «Гартофа в юбке», как называл ту же Екатерину Пушкин. Но ещё мальчиком, живя в Москве, в доме Артамкова, дяди по материнской линии, он познал и других людей. Это были передовые русские люди, тесно связавшие себя с европейской интеллигенцией. Именно в их среде, в кругу Радшиева складывались первые представления об общественном долге человека, возникают первые оценки социальных явлений. Впоследствии великодушная школьница из эксплуататоров являлась его службой протоколистом в Сенате, где рассматривались различные судебные дела, по которым можно было составить отчётливо и обобщённое представление о порядках крепостничества. Именно в этот период в разработке его революционного мировоззрения сыграло крестьянское движение, которое возглавлял Емельян Пугачёв.

Выступая идеологом революционного крестьянства, великий просветитель восемнадцатого столетия являлся в известной мере и предтечей революционеро-разночинцев 60—70-х годов. Г. В. Плеханов в этой связи писал: «Радшиев явился у нас первым в ряду тех передовых учёных и журналистов, которые ввели в Россию, в Москву, в Петербург, в Самару и в Дубровику... В теории он весьма часто опирался на послы-

ки, имевшие очень много общего с философскими послысками Чернышевского и Добролюбова».

В области философии Радшиев продолжал традиции русской материалистической школы, естественно-научные основы которой были заложены Ломоносовым. И если материализм Радшиева не всегда был последовательным, если его теоретические воззрения носили на себе отпечаток ограниченности тогдашних знаний, всё же по многим основным философским вопросам он развивал отчётливо материалистические взгляды и выступал как самостоятельный, оригинальный мыслитель.

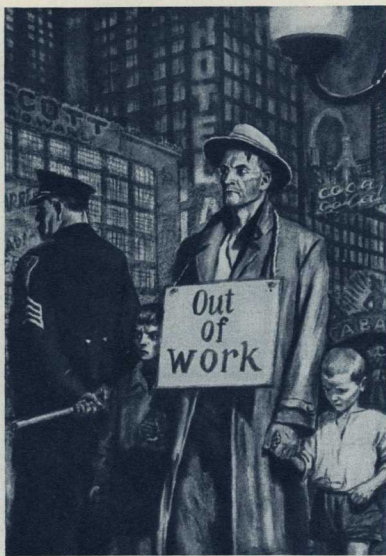
Философский трактат «О человеке, его смертности и бессмертии», написанный Радшиевым в Илимском остроге, явился крупным вкладом в сокровищницу русской материалистической философской мысли.

***

Пробыв в сибирской ссылке около пяти лет, Радшиев после смерти Екатерины получил возможность вернуться в Европейскую Россию. Когда же был убит Павел и на престол вступил Александр I, друзья Радшиева удалось выхлопотать разрешение на его проезд в Петербург. Он даже был привлечён к работе созданной Александром Комиссии по составлению законов. Но уже вскоре стало ясно, что для автора «Путешествия» не было места и в Александровской России, что царь согласился на привлечение Радшиева лишь с одной целью: использовать его для бесстрашного борца за свободу, прикрывать им тот фёрс, каковы в действительности являлась работа Комиссии. Тем не менее Радшиев энергично принялся за работу, заведя его пера один за другим выходили проекты законов. Но вскоре выяснилось, что его деятельность никому не нужна, она вымывала только олоубление у «власть имущих», и ему снова стали угрожать Сибирью... Что же оставалось делать?

Утром 24 сентября 1802 года Радшиев принял или Незадало до смерти он сказал: «Потомство за меня отомстит».

Слышал и это пророчество: революционное потомство, уничтожив в 1917 году эксплуататорский строй в России, тем самым отомстил и за Радшиева. В знак любви ему, первому из числа выходящих деятелей русского освободительного движения, в городе Ленина был воздвигнут памятник. Три года тому назад наша страна торжественно отмечала двухсотлетие со дня рождения Радшиева. Слава бесстрашного революционера и выдающегося писателя никогда не померкнет в памяти свободного народа, строящего коммунизм.

Рисунки В. Лебедева

ЖИЗНЬ ВО МГЛЕ.

Тридцать годы. В Соединенных Штатах депрессия и кризис. В кабинет декана физического факультета Колумбийского университета входит молодой человек — новый аспирант Эрик Горни. Незурядные способности, упрямство, настойчивость — с такими достоинствами, но без гроша в кармане начинается он тернистый путь учёного в капиталистической Америке. Мрачно астроняет его старинные стены университета: от них веет аномалией и тлением. Сентиментальность при встрече с Горниам и декан факультета Эрл Фоко — человек, потерявший веру в науку и жизнь: «...словах настоящих у нас нет и денег тоже... и все понимают, чем может привлечь научная карьера молодого человека в расцвете сил».

Не такую премию ожидал Горни в этом «красном ядре». Университет в его представлении был светлым. Чтобы попасть туда, Горни закончил каждый год, работал на безвозмездно, потом шёл посылу в придорожной харчевне. Искренность, талант, твёрдое знание своей цели помогли ему пройти сквозь все испытания, и, может быть, именно поэтому, закалившись, он не сломился при встрече к осуду скептической экспрес декана: собственное горю, почему он стремится стать учёным, когда даже рядовой чин пошлннн звучит жалованье куда выше занного аспиранта?.

Так начинается талантливая

книга американского писателя Митчела Уилсона «Жизнь во мгле»¹, вышедшая недавно на русском языке. Это фольклорный роман о судьбе молодого учёного в США. Он отвечает на вопрос, имеющий немаловажное значение для всего мирополюбого человечества: какую позицию должен избрать честный учёный в капиталистическом мире, какими способностями он может бороться против захватителей новой войны, выходящих использовать в своих авантюристических целях достижения науки?

Американский университет — это царство козлости, рутины, обманчивости. Талантирный дитя, идущий ним, разведает тайные и волю молодых людей, посвятивших себя науке: вытесняет процентов аспирантов «обогатив, двадцать пять процентов стрелится, в остальные двадцать пять постепенно сосудит на век». Самые упрямые бьются о стену равнодушия и невежества. Если работа аспиранта не сулит в будущем крупных барниш, ни-

¹ Митчел Уилсон «Жизнь во мгле». Издательство иностранной литературы. 1951.

кто его не интересуется, пусть даже теоретической её уровень очень высок. Пути науки, в частности теоретической физики, определяют в США те, кто считает, что «каждый талант истощив ари, если он потрачен на что-либо иное, кроме дальнейшего развития средств раздувания».

В начале романа страстное желание достичь своей цели заставляет от Горниа весь окружающий мир. Он верит только в единую науку, стремится получить максимум знаний. Горни успешно проводит вместе с Гови Хэндином сложный опыт по расщеплению атомного ядра. Талант и упрямство помогают ему выжить из огромной армии безработных учёных, хотя порой и все овладевают горестные мысли о будущем.

Но наконец Горни завоевал учёбу и — счастливцем! — получил хорошее место в Кембриджском университете. Ему кажется, что он может посвятить жизнь исследовательской работе. И здесь ему впервые открывается другая сторона американской науки, о которой он и не подозревал.

В Кембриджском университете молодой учёный сталкивается с воинствующим арабкобесом Кларком Риганом. Ригно блондет этот чужеземный инстинкт интереса своих коллег — дешёвых мезков Уолл-стрита.

Американская реакция старательно насаживает в университетах и школах таких риганов для воспитания молодёжи в духе милитаризма и антиинтеллектуальных взглядов. Кларк Риган пружает в ход всеулы о политической злобонадеяности молодого учёного Хьюго Фабермаера. «Милан Фабермаера в том, что он... против войны! «А кто же против?» — спрашивает у Ригана Эрик Горни. «Я... резко ответил Ригану. — Все эти рассуждения против войны, которые слышать теперь среди молодёжи, — это самый дурацкий вид антигосударственной деятельности».

Всё новое, всё переживое в науке вызывает у Ригана смертельную ненависть. Этот «рубины» мучит свои лекции студентам по рукописи «с познаниями от времени странницами»; его знания отстали от современности на десятки лет; он кроме совершенствования теории, козности, реакции. Но в университете Риган — сила. Его все боится. Он решает судьбы молодых учёных, и горе тому, кто попытается знания в науку что-то новое, пролить свою индивидуальность. За женитьбой Риган вообще не признаёт никаких прав на научную деятельность. Когда талантливая

кошмаша — физик Марк Картер делает ценное научное открытие, ит арабское пытается всецело аксриптировать её работу.

Уста от борьбы с реганами, Эрик Горни находит другом и решит уйти из сардального мира сивстой науки. Случай с Хьюго Фабер-матром, которого выгоняют из университета за «неблагодарность», окончательно открывает глаза Горни на истинную ценность траншей американской «демократии». «Лаборатории существуют только для приманки. Ты должен быть благодарен за то, что тебе дают исследовательские средства и надеду, хоть этого и не знают, что послать детей в воледе». Горни уходит на работу в промышленность, но ещё заранее верит в возможность разбогатеть, итупо, как об этом пишет американская пресса, якобы имеет любви американец.

«Что помешает мне — молодому, талантливому, полному сил — заниматься для своей страны материальную независимость?» — говорит себе Горни.

Но тишину сил пытается убедить в этом свою жёну Сайбелу. Она чувствует, что её муж — на зложном пути. Скорее, она скорее в этом убеждается в Эрик Горни. Оказавшись, он нужен американской мановиторительной компании только для увеичения прибылей. Но стоит ему сделать какое-либо изобретение, незамедло в настоящий момент компании, работающей по старинке, как раздается хохливый смех: «Вам платят за исследование и изобретение — так используйте же исследования и изобретайте и не сваливайте куда не следует...» Горни всё же пытается внедрить в промышленность свой станок, мечтает открыть своё предприятие. Но агенты компании, боясьсь его-за конкуренции нового слова в технике, арадут изобретение Горни и продают его другой фирме, которая хоронит изобретение в сейфах.

В конце Горни обосблиб. Его традиция пишвина в капиталисти-

ческой Америке. Не один он — многие американские исследователи и изобретатели гибнут в неравной борьбе с монополиями. М. Уэлсон рисует в романе жалкую судьбу другого изобретателя — Ириана Зарицкого. Он тоже сделал в своё время важное техническое открытие, но оно, как неизменяемое монополия, было погребено в сейфе.

Главный герой, Заривий распрощивает свой талант на изобретение... детских игрушки, которые он продаёт за гроши. Странная машина американского бизнеса бесповозду губит молодые таланты, сил дергает молодость в кандалы неволи.

Когда наконец Эрик Горни понимает эту горькую истину, десять лет его жизни уже потеряны вступило. Его возможность покинуть. Богатства он не ищет, итупе исследования забросил. Но Горни вновь находит в себе силы не сдаваться и иворачивается к научным исследованиям.

Горни понимает, что ему предстоит жестокая борьба с маркобеими, шпизмами, рандукционными делгатами — борьба за переделов в науке, борьба против шпизтаризма, против попытки использовать атомную энергию в целях разоружения, а не в целях создания на благо человечества. Это решение героя — бороться до конца — культурно-идеологичный пункт романа. Самое главное, думает Горни, быть честным в словах тех, кого сил любил, и в своих обязательствах.

Слушая речь сенатора Сейса, призывающего «собрать» СССР атомными бомбами, Эрик Горни понимает, что он должен сделать выбор между реакцией и прогрессом, между тем, кто стремится сделать науку оружием войны, и тем, кто видит в ней основу будущего человечества. Горни не отворачивается на этот раз от политической борьбы, подобно равнодушному сызбу Томи Хэмилдену, он итупается анистуирующих арабосов, но покорается. Уверенность в себе сил мира звучат слова героя: «Я твердо знаю, куда еду.

Мне теперь совершенно ясно, что с этим пор все лаборатории в Америке будут находиться под пятой тех самых людей, которые раньше тутуют понятие об атомной энергии с атомной бомбой... Так итупе именов в лабораториях и выигрывает борьба, и там должны быть люди, способные активно сопротивляться».

Горни ещё одинок в борьбе — так выглядит он в романе. Единственный морально подготовленный Горни находит в семье, у жены. Автор же показывает, и сожаление, тех прогрессивных сил в американском народе, на которые можно опереться его герой. В атомный идеоло-художественный недостаток романа.

Но прогрессивное значение этой книги несомненно. В образах молодых учёных — Горни, Хэмилдена, Фаберматра.

Картер — автор правдиво показав реальные пути, по которым идут современные американские учёные. Одни, как Томи Хэмилден, Марк Картер, оказываются бессильными бороться против реакции и маркобеими. Ещё более трагичен козмет молодого Хьюго Фаберматра. Он испытывает ужасы фашистского режима в Германии. Успешноисходящие фашизации американской науки наполняют Фаберматра ужасом, парализует его существование, парализует его волю. Мир фашистской науки представляется ему джунглями, где все ругут и поворачивают друг друга. Не выйдя выхода, Фаберматр бесловно кончает жизнь самоубийством.

В лице Эрика Горни представлена передовая часть молодых американских учёных, активно борющихся за мир, смело выступающих против военной истерии в США. Эрик в конце книги уверен, что избранный им путь единственно верный, что ему ещё доступно все счастье, какое только возможно в этом мире.

Сейчас, когда молодость всего мира поднимает свой мощный голос против американских милитаристов, ведущих кровавую войну в Корею и мечтающих о мировом

господстве, среди студенчества США также растут движение в защиту мира. И в эти дни книга М. Уэлсона о молодом американском учёном, посвятившем жизнь борьбе против милитаризации науки, имеет прогрессивное и мобилизующее значение. Путь Горни является примером для современных молодых учёных во всех капиталистических странах. Он призывает молодёжь мира к активной борьбе. «Нужно работать для науки, а не ради войны», — говорит Горни, — и в этом шутке мы должны воспринимать молодость. Я не планирую стать Эрлом Фоксом. Мои студенты никогда не услышат от меня фразы: «Её все вы равны?». Теперь вам далеко по все равны...»

Развешивая с книгой, читатель уверен, что именно такие борцы, как Эрик Горни, пополнили сейчас ширинию во всем мире фронт прогрессивных учёных.

Н. ВЕТОШКИНА

Евг. ЕВТУШЕНКО

Об играх и делах

Дети от игр переходят к делам, серьёзное в играх узнавши.	В школу играют они в глубине одетого в зелень двора, и в этом «я буду!»	Понятно, на что направляют заботы мистеры, новой войны хотящие.
В разные игры тут и там дети играют наши.	большее, чем игра, слышится мне	Сначала игрущине шумёты,
Один из кубиков что-то творит по собственному проекту.	Но большее, чем игра, мне слышится	Так было однажды: свинцовые выгчи
Вашушка, выжком гордись, говорит: «Наш-то — ну явился архитектор!»	и в том, что и Америке где-то, читат о гангстерах	подука на нас не с бебес.
Пальтице с икоркой золотой, кошечки, в кошечках ленточка.	игруют в убийц шёстрые книжницы,	Так было: сначала «гитлер-югенд»,
Она человек уже занитой, сестра моя семилетняя — Леночка.	Да, это большее, чем игра, когда семилетние джимы и бобы на азбуке видят под буквой «А» фото атомной бомбы!	потом вермахт и эсс.
За книгу берётся уже, за тетрадь.	Чтоб каждый, надёжной потом убивал,	Джентльмены, вы, видно, забыли о нём,
Через несколько лет не узнашь — вытиснется!	наверное, скоро для них игрущине!	детям, играющим в бомбы, радуясь?
Подруге собирает: — Во что играть? — В школу! — Я буду учительницей!	игрывает десять будут напалом и наборы блох заводных.	Игры такие — игры с отгём. Смотрите, а то... доиграются!

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера
Л. Абрамова

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПЕШКИ

Правила игры в шахматы дают иногда сероватую пешку промежуточно над всеми фигурами: пешка, достигая последнего ряда, превращается в любую (кроме короля) фигуру. Обычно это правило используют для получения феря.

Однако бывают положения, когда выгоднее превратить пешку в менее сильную фигуру и этим добиться большего эффекта.

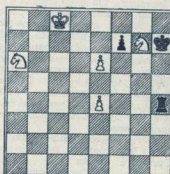
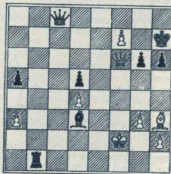
То, что кони могут оказаться полнее феря, никого не удивит, так как это фигура совершенно равного действия. Но стоит ли превратить пешку в ладью или слона? Да иногда стоит.

Рассмотрим, к примеру, такую простейшую позицию: белые — король а5 и пешка е7, черные — король а7. Ход белых.

Если белые проведут е7-е6, противником пешки, то черной королю придется и ней и ничья будет неутешительно. Но почему не прозвонить пешку? Оказывается, после этого черным будет мат. Если пешка закончится вничью, а вот если белые превратят пешку в ладью, то они без труда добьются победы.

Выглянем теперь на позицию на партии XVI первенства СССР Фурман — Нерсис.

Молодой ленинградский мастер игры белыми, в результате интересной комбинации добился многообещающего положения. Посмотрим теперь, как он думал завершить борьбу.

Быть может, ему следовало взять феря слона? Нет, тогда после 1. С:e5 Л:f3 + 2. К:e3 Д:f6 3. К:e4 Д:f7 у Черных оказались бы лишние пешки (белая против слона) и белые будут обречены на поражение. Но тогда почему превратить её во второго феря? Нет, этот ход будет ошибочным. Нет, в таком случае белые получат мат 1. ... Ф:c2 + 2. К:e3 Ф:c2 + 3. К:e4 Ф:e4 X.

Зачем же Фурман стремился к этой позиции? Оказывается, он намеревался превратить пешку в ладью! Партия продолжалась так: 1. К:e7 + К:e7 2. Ф:e7 + Ф:e7 3. Ф:e7 + К:e7:f8 4. Ф:e7 С:f5 5. Ф:e7 а5 — белые выиграли.

Рассмотрим этот заслуженного деятеля искусств РСФСР А. Троицкого, это провозглашение показывает широкие возможности правила превращения.

Первые два хода решения довольно очевидны:

1. Ke7-f7 Лh4:e4
2. e6:f7 ...

Кажется, белые легко выиграют, так как превращение пешки в ладью помешает. Однако если черные поймут ладью на e5, e6 или e7, то превратить пешку в феря не следует. Например,

1. Ke7-f7 Лh4:e4
2. e6:f7 Лh4:e4
3. Фb6:e6 ...

Потому после 2... Лe6 белые могут выиграть, только превратив пешку в коня, а в ответ на 2... Лe7 или 2... Лe6 и коня придет только превращение пешки в ладью.

КРОССВОРД

Составил И. Холохов
(Вражская обл.)

По горизонтали:

- Горючее вещество, 6. Выдающийся русский режиссёр, актёр и театраль- ный деятель. 8. Спутник Юпитера. 10. Воздух в Карибском море. 11. Старинный город в Московской области. 12. Единица электрической ёмкости. 18. Деталь в механизмах. 22. Генерал — герой Великой Отечественной войны. 24. Роман. 25. Чехословацкий писатель. 26. Полуостров в СССР. 27. Геометрическое тело. 28. Город-государство, о котором повествует Гомер в «Илиаде». 30. Месячная часть химического элемента. 31. Советский спортсмен — победитель XV олимпийских игр. 32. Влагоотражающий металл. 34. Автор пьесы «Минюс» и Промышленому в Москве. 38. Северная полярная область земного шара. 39. Союзная республика в Польше. 42. Народная художница СССР. 44. Украинская народная пляска.

- Математический ряд звуков. 29. Сторона прямоугольного треугольника. 33. Литературное произведение. 35. Углубление в почве, по которому течёт вода. 26. Русский композитор-пианист. 37. Мальчишеский патриот в романе П. Пого «Отверженные». 41. Герой гражданской войны. 42. Единица силы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

- По горизонтали:
3. Монитор. 4. Катер. 5. Морской десант. 12. Комале. 13. Нахичевань. 16. Эпианка. 19. Науба. 20. Галандж. 21. Норвич. 22. Гавань. 25. Нахичевань. 27. Ариэль. 28. Шивал. 31. Подворье. 32. Лазарев. 33. Эскадра.

По вертикали:

1. Конек. 2. Попов. 4. Канат. 6. Корма. 7. Солинка. 8. Рубль. 10. Трап. 11. Эскадрилья. 12. Иран. 14. Палаточный ящик. 15. Киснерия. 17. Вальган. 18. Меморан. 26. Танкер. 29. Морской Биссек.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

- По горизонтали:
7. Малепа. 11. Тайпан. 12. Ливония. 13. Насилье. 15. Силон. 17. Фларган. 20. Бухара. 19. Славян. 20. Аренинская земля. 21. Ниспором. 30. Фунт. 32. Последователь. 31. Трап. 32. Носок. 33. Юнга. 34. Архипелаг. 35. ромтер. 8. Шинцер. 9. Сваркер. 10. Ашман. 14. Пария. 16. Лопат. 21. Гавинга. 22. Натальна. 23. «Молитва». 24. Тугальна. 48. Ученик. 40. Янтар. 41. Шинцер. 41. Киншаско. 45. Ивост. 47. Ивост. 57. Понто. 58. Рельеф.

- По вертикали:
1. «Надгробие». 2. Весы. 3. Дядя. 4. Утёс. 5. Алин. 6. Ба-

СМЕНА
В номере:

- Ворис Вурков — Родная партия.
В. Паникин — Олимпийский чемпион.
Н. Ларин, М. Воронин — Славянская победа.
А. Галицкий — Лучший гребец мира.
Салам Кадимраде — Парень с Журавлиного озера. Рассказ.
С. Кузиков — Люди с большими глазами. Фотограф.
Георгий Паллаоский — Написал на дубе. Стихи.
Владимир Алаярцев — Самоходный поезда. Стихи.
Леонид Образцов — Подарок. Стихи.
А. Олинов — В Салынских степях.
Алия Ковусов — Две пустыни. Стихи.
Сергей Северин — Родная земля. Рассказ.
В. Пухлячев — Души матушкиной волды. Стихи.
Василий Росляков — Новая Каледония.
В. Жаваев — Александр Николаевич Радинцев.
Н. Ветюшкина — Молодость в кандалах.
Евг. Ветюшкин — Об играх и делах. Стихи.

На первой странице обложки: Абсолютный чемпион олимпийских игр по шахматам Виктор Штурман. Фото А. Молочкова.

На четвертой странице обложки: На велосипеде. Фото А. Боналова.

Оформление номера
В. Урина

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды».
Тираж 120 000 экз.

Тел. ДЗ-34-24.
Над № 758.

Редколлегия: В. Амаев, Г. Гумя, Е. Домоглясов, Н. Жуков, О. Кожухова, М. Луконин, А. Никоненко.
Подписано и печатано 16/IX 1952 г. Заказ № 2169.
Формат бумаги 70 x 108/16. 1,75 бум. л.—4,80 печ. л.

Фёдор БЕЛКИН

ОСЕНЬ

Под склонившимися берёзами
Половодье багряных зорь.
Над полями, прудами колхозными
Перелётных птиц разговор.
Свёда новые золотые
Зажигают электроогни,
И колхозники в кладовые
Сыплют звонкие трудови.
На любую взгляни окранию —
И поля и сады хороши!
Люди пишут родному Сталину
Письма тёплые,
от души!

